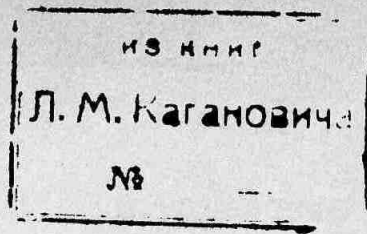

СССР-И КПС
Центральный Отдел
Школ

СССР-ВЕЛИКАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ
ДЕРЖАВА
В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ И ЛИТЕРАТУРНОМ
ТВОРЧЕСТВЕ ДЕТЕЙ

*Литературный сборник
творчества детей железнодорожников*

К О Н К У Р С

"СССР - ВЕЛИКАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ДЕРЖАВА
В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ И ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДЕТЕЙ".

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

ТВОРЧЕСТВА ДЕТЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

===ooOoo===

СОДЕРЖАНИЕ

Сталину	Дм. Рашевский
Сталин	Люба Касько
Любовь	Л. Амбах
Девушке	К. Гаухман
Начинается юность	Димаров
Депутат Ташкента	Сеня Герштейн
Моя батьковщина	Димаров
Девушки из колхоза	В. Поляков
Новая школа	С. Новомирский
Встреча с наркомом	Н. Амелин
Мой брат	Дима Пильчевский
Поезд мчится стрелой	Е. Грошева
Сестре	Лиля Россихина
Из окна вагона	С. Любакова
Испорченная тема	В. Парамузин
Сталинская детская дорога	Шрейбер
"Седов" - победитель	Г. Петрушкин
Новогодняя баллада	Дм. Рашевский
К Ильичу	Лиля Россихина
Ленин жив!	Юля Платникова
Чапаев	Люба Касько
Триполье	Толя Кузьмичев
Путь свободен	Ген. Чайковский
Песня про П. Кривоноса	А. Гринев
П. Кривоносу	Н. Рыбалка
Конь	В. Поляков
Наша Армия	Ю. Егоров

Мать	Б.Чернышев
Дина	К.Мадалиев.
Поэзия 1847 г./перевод с украинского/	К.Жук.
Песня /из Леси Украинки/	Б.Чернышев.
Лорелея /из Гейне/	К.Жук.
Мороз и Солнце /сказка/	К.Борисова
Котята	С.Любакова
Мурлуша	С.Любакова.
Птичка	Е.Мельникова
В Зоопарке	Е.Мельникова
Самолет /шуточные стихи в прозе/	Ю.Закиров
Зима	А.Лясота
Охотники	К.Борисова.
Сентябрь 1939 г.	С.Любакова.

Дм. Рашевский,

уч. 10 кл. Запорожская обл.
г. Мелитополь 3, ср. шк.

С Т А Л И Н У
=====

Тебе великий вождь несу я свой порыв
И в сердце пламенном родившуюся песню
От украинских золотистых нив,
От берегов Днепра, где жить чудесно!

Я песнь пою, в которой каждый звук
Из глубины горячей сердца вынут, -
В ней - и любовь и каждый сердца стук
И шум полей счастливой Украины!

Я всей своей душой песнь пою,
Чтоб крылья сильные у песни вырости,
Чтоб песнь моя помчалась к Кремлю,
К тебе, к тебе родной товарищ СТАЛИН.

Ты дал нам счастье, молодость и мощь
И напоил нас силой и отвагой.
Мы за тобой идем, бесстрашный вождь,
За каждым сталинским твоим чеканным шагом.

Ты с нами, вождь, - и нас не победить!
В бою за родину, за дружбу - серп и молот -
Пойду на смерть, но буду вечно жить,
Пойду в огонь и буду вечно молод!

Тебе великий вождь несу я свой порыв
И в сердце пламенном родившуюся песню
От украинских золотистых нив,
От берегов Днепра, где жить чудесно!

=O=O=O=O=O=
=O=O=O=
=O=

Люба КАСЬКО.

10 кл.ст. Изюм шк. № 11.

С Т А Л И Н

Я вдыхаю морозный воздух,
Чуть хрустящий, хрустальный воздух...
И сильнее я и счастливей -
Этим воздухом также ты дышешь.

Каждой капли крови ты с нами,
Мы во всем тебя сердцем чувствуем...
Есть молва, что ты солнцем сияешь,
Можешь месяцем быть серебрянным.

Потускнеет солнце от бури,
Отпылает месяц и тускнеет...
В бурях мысли твои не гаснут -
Ты не солнце,
 не месяц,
 ТЫ СТАЛИН!

=O=O=O=O=O=
 =O=O=O=
 =O=

Л Ю Б О В Ъ
=====

Любовь!

Это слово таскали
По горьким тропам столетий,
По чахлым пустыням комнат,
По скверам и кабакам;
Травили и продавали,
Рубили казацкой плетью,
В гранитных гробах централов
Связывая по рукам.

Мы все понимаем. И то, что
Тучи грозу не скроют,
Что гром пробуждает спящих,
Что юность приходит вновь;
Что мы утвердили прочно
Железом, огнем и кровью
Единственную в мире
Большую нашу любовь.

Она помогает нам честно
Работать, мечтать, учиться,
Осваивать недра, чащи,
Высоты и берега,
Осваивать небо и песни,
Не спать на родной границе,
Выращивать родину счастья
И не щадить врага.

О ней наши лучшие песни
Будут в веках отзываться,
Ее наш любой подросток
Услышит в грозу и в дождь,
Когда на трибуну с"езда,
Сквозь штормы, сквозь бури аваций,
Величественно и просто
Выходит любимый вождь.
...Иосиф Виссарионович!
В твоих мы идем колоннах, -
Хабаровск, Одесса, Овруч,
Каховка и мой Донбасс, -
У нас золотые руки,
Иосиф Виссарионович,
У нас золотые машины
И лучшие песни у нас.

Д Е В У Ш К Е .

Отчизна наша, счастьем расцветая,
Детей растит как преданная мать.
Недаром, друг мой, часто мы мечтаем,
Закончив школу, лётчиками стать.

Пред нами в жизнь открытая дорога,
Ведет к победам, к радости, вперед!
Таких как ты в стране советской много,
Нас вырастила партия, народ.

Ты говоришь, что хочешь быть пилотом,
Взлететь как сокол смело в небеса,
Ну вот представь: ты правишь самолётом;
Внизу плывут поля, луга, леса...

Летишь над светлой праздничной Москвою;
Веселым солнцем даль озарена.
Ты гордо реешь, зная, что с тобою
Чудесная, прекрасная страна.

Сейчас мечта, но это будет в жизни:
Взовьёмся птицей в солнечный рассвет.
Мы улыбнёмся радостно отчизне,
Отчизна улыбнется нам в ответ.

И вот тогда мы может вспомним школу
И юность перед нами встанет вновь,
Мы вспомним всех, ровесников веселых
И вспомним нашу первую любовь.

К. ГАУХМАН

ст. Раздельная Одесск. обл.
шк. № 6. уч. 10 кл.

Семен БЕРШТЕЙН.

г. Ташкент, Стрелковая ул.
д. 15, шк. № 98 им. Островского

ДЕПУТАТ ТАШКЕНТА
=====

Нам никогда не забыть этой встречи
И площадь, сверкавшую кумачем;
Выступил с сильной и пламенной речью
Наш КАГАНОВИЧ, любимый нарком.

Цвели сады, зеленели поля,
И снежные горы на горизонте...
Как хорошо расцвела земля
Под теплым, родным азиатским солнцем!

Вырос Ташкент. Его не узнать,
Как хлопок расцвел в орошенной пустыне.
Мы вправе нынче о нем вспоминать,
Как мать вспоминает о выросшем сыне.

И в памяти нашей невольно встает
Глубокая осень двадцатого года,
Упорной работой насыщенный год
На благо страны и на благо народа.

И КАГАНОВИЧА помнит Ташкент,
Как лучшего друга с душой агронома.
Прекрасную память хранит горсовет
О славной работе стального наркома.

К нему отовсюду стекались взоры,
А рупоры четко звучали вдаль:
— Теперь мы имеем свои моторы,
Химию, хлеб, самолеты и сталь!

Давно ли вражда между нами царила
И всюду враждебно звучало "урус",
Теперь мы имеем единую силу,
Одно государство, один Союз!

Нет пределов народной мощи,
Нет той силы, чтоб с ней равняться!"
И всколыхнулась Красная площадь
В буре восторга и грома аваций.

... Нам никогда не забыть этой встречи
И площадь, сверкавшую кумачем.
С пламенной, сильной, волнующей речью
Выступил наш депутат и нарком.

=O=O=O=O=O=
=O=O=O=
=O=

МОЯ БАТЬКІВЩИНА

Я вихожу вранці на вершини гір
Де простягся темний, таємничий бір.

Я сріблестим ранком сонце зустрічаю,
Любої країни землю оглядаю.

Скрізь, куди не глянешь - золоті лани,
Як безмежне море, простяглись вони.

Соняшня хвиля грає на ланах,
Струнко идуть комбайни в золотіх хлібах.

Гляну я на право - бачу місто там.
Піднялись заводи, місто, як титан.

Як у лісі сосни, труби височать,
Стрункою колонної фабрики стоять.

Зріс я в цій країні, гордий нею я
Бо найкраща в світі рідная земля.

Завіряю партію молодістю я -
За свою вітчизну я віддам життя.

=0=0=0=

ПОЧИНАЄТЬСЯ ЮНІСТЬ.

Пролетіли уже непомітно
Шкільні роки веселі повз нас.
А здається, недавно ще дітьми
Ми у школу прийшли в перший раз.

Є багато шляхів перед нами -
Ми вступаємо в роки весни.
Розстаємось усі ми друзями,
І друзями зустрінемося ми.

Кожний корисним бути з нас хоче.
Всі ми вдячні країні своїй.
Віддамо все життя ми охоче,
Як що буде потрібно це їй.

Будем жити бадьорі і дужи,
Щоб веселая пісня лилась.
Дай же руку мені, любий друже,
Починається юність для нас.

=0=0=0=0=0=

В. ПОЛЯКОВ

уч. 9 кл. ст. Почелма
ж. д. шк. № 27 Пенз. ж. д.

ДЕВУШКИ ИЗ КОЛХОЗА

В ожиданьи колхозные кони
За вокзалом щипали траву.
С песней девушки в первом вагоне
Уезжали учиться в Москву.

Молодой председатель колхоза
В путь далекий девчат провожал.
Но прощальный гудок паровоза
За собою оставил вокзал.

Будто круглые мячики, годы
Прокатились три раза подряд.
Много выросло школ и заводов.
Не узнаешь теперь и девчат!

Над шумящей зеленой тайгой
Ветер тучи лохматые рвет.
Вот небесной дорогой прямою
Две подруги ведут самолет.

А на фабрике ткацкой просторной,
Проявляя искусство в руках,
Три другие работать проворно
На трехстах поспевают станках.

По пшеничному полю шагает
С книжкой девушка вся в голубом,
Ее радостно каждый встречает
Потому, что она - агроном.

Ржали радостно сытые кони.
Вдалеке загудел паровоз.
Это девушки в первом вагоне
Едут в гости в родимый колхоз.

=0=0=0=0=

НОВАЯ ШКОЛА
=====

Школа выросла за парком. В школу новую идем.
Самый лучший, самый светлый и нарядный этот дом.
В нем счастливым коллективом дружно, весело живем,
Вместе учимся, мечтаем, песни звонкие поем.

Славик-Громов, Владя-Чкалов, Ким-Папанин - решено!
А Светлана обещала водолазом лезть на дно.
Вот у карты для полета собирается звено.
Все одиннадцать республик облетит сейчас оно.

Там конструктор очень юный приготовил нам модель,
А художник у окошка поправляет акварель.
И глядит на всех живая, зеленеющая ель.
Эта комната большая - всех талантов колыбель.

Заиграло пианино - и ребята в зал спешат.
Физкультурные занятия - словно радостный парад.
ГТО значки на майках. Марширует стройно в ряд,
Крепкий, бодрый и здоровый пионерский наш отряд.

Школа в зелени, за парком, далеко вокруг видна,
Вся плакатами, цветами, разукрашена она.
Эту школу подарила детворе своей страна -
И растет в прибое счастья детской радости волна.

=O=O=O=O=O=
=O=O=O=
=O=

Амелин Николай

Амурск. ж. д. ст. Могоча,
трансп. ср. шк. уч. 10 кл.

ВСТРЕЧА С НАРКОМОМ

Морозный воздух чист и свеж. Небо глубоко и прозрачно, и ослепительное солнце кажется в нем отражением в зеркальной глади безбрежного озера. Лыжи бегут по проложенной среди кустов лыжне, палки цепляются за ветки, раняющие хлопья снега. Иногда вспорхнет испуганный рябчик или из под самых ног вскинется заяц и, застыв на минуту, снова стремглав бросится прочь, только задние ноги да обрубок хвоста мелькнет и быстро исчезнет в кустах. Хорошо взобраться на высокую гору и помчаться вниз, присев для равновесия и отнеся палки назад! Тогда весь превращаешься во внимание. Вихрем скатишься по крутому склону и еще долго мчишься уже по ровному месту, усиливая движение палками. Или неожиданно зацепишься лыжей за куст и упадешь в мягкий снег, словно ляжешь в остывшую за день мягкую постель. Это доставляет немалое удовольствие и, вытряхнув снег из перчаток и из-за ворота, бодро и смело идешь дальше. И тогда рождается песня. Звонко отдается она в морозном воздухе, нарушая мертвую тишину. Наконец сядешь отдохнуть на поваленное дерево. Снимешь рукавицы, смахнешь с ресниц и бровей иней.

заправишь под шапку выбившуюся мокрую прядь волос. В такой момент обязательно вспоминается что-нибудь особенное, какойнибудь исключительный случай.

...Прошло три года, но Алексей хорошо помнит самый замечательный день в его жизни. В выходной он поехал на прогулку. Был такой же веселый зимний день, те же самые сопки, тот же лес, такой же сверкающий снег. Пролазив по сопкам часа два, Алексей вернулся домой.

- Леня, беги скорее на вокзал, Лазаря Моисеевича встречать, - сказала ему мать, едва он вошел во двор. - Только сейчас за тобой заходил Борис. Беги скорее.

Лыжи были брошены среди двора, а сам Алексей, покрасневшийся на морозе, в лыжном костюме и завязанной шапочке, - мчался на вокзал. На тесном пероне было полным полно. Он кое-как нашел своих товарищей по школе, теснившихся у самого пути, на который ожидали поезд с Лазарем Моисеевичем КАГАНОВИЧЕМ.

- Едет!.. Едет!.. - закричали школьники, едва увидев вынырнувший из-за поворота паровоз.

Все на пероне пришло в движение, толпы народа хлынули навстречу поезду наркома.

Плавнo замедляя ход, поезд остановился и из вагона вышел Лазарь Моисеевич. Под крики приветствий

он сошел со ступенек и очутился в кругу радостной детворы. Его хватали за рукава шинели и тянули за собой;

- К нам, Лазарь Моисеевич!..

- В школу...

- Пойдемте к нам!

- Тут не далеко... Лазарь Моисеевич к нам!...

И Лазарь Моисеевич, окруженный со всех сторон шумной ватагой учеников, улыбаясь двинулся к школе прямо через сугробы, по колено в снегу. Его секретарь еле поспевал за ним.

Школа была тесная с маленькими классами и узким коридором.

Лазарь Моисеевич вошел в класс, разделся, повесил шинель, сел на учительский стул и начал беседовать с учениками. Секретарь записывал. Лазарь Моисеевич спрашивал об учебе, о работе кружков, о трудностях, советовал, журил и шутил. Один из учеников сказал:

- Я давно вам хотел послать письмо, да адреса не знал.

Тепло улыбнувшись, Лазарь Моисеевич ответил:

- Ну и написал бы: Москва, КАГАНОВИЧУ. А там бы меня какнибудь нашли. А о чем хотел писать?

- Чтобы нам школу построили. Эта уже старая, теснота в ней.

- Обязательно построим,- ответил нарком и добавил: - через год-два у вас будет новая школа. Не раньше, потому, что у нас в Советском Союзе есть еще много мест, где совсем нет школ и построить их все сразу нельзя. А пока и в старой школе нужно учиться хорошо и отлично.

- Мы и так не сдаем,- за всех ответил Алексей. - У нас успеваемость девяносто четыре процента.

- И обещаете, что будет сто? - обратился в его сторону Лазарь Моисеевич.

- Обещаем,- твердо сказал Алексей, оглянувшись на остальных учеников. Те закивали ему.

- Будем изучать железнодорожный транспорт,- продолжал Алексей,- хорошего руководителя нам бы для кружка юных железнодорожников.

Нарком подошел к Алексею и дружески потрепал его по плечу.

- Молодец. Дети железнодорожников должны любить и изучать железнодорожное дело. А кем ты будешь, когда окончишь школу?

- Я, Лазарь Моисеевич, наверное буду строить паровозы,- ответил Алексей.- Самые лучшие...

- А как ты учишься?

- Хорошо и отлично.

- Газеты читаешь?

- Читаю. Сейчас идет война в Абиссинии.

- Правильно. А какой у нас противник на Восток

- Япония.

- Может она напасть на нас?

- Может. Но мы ей крепко набьем.

Лазарь Моисеевич засмеялся и потрепал Алексея по плечу.

- Молодец. Тебе можно с докладом о международном положении выступать.

Только через три часа ушел нарком железнодорожного транспорта из школы. Он шел в депо на митинг железнодорожников. Его окружали толпы красноармейцев, рабочих, служащих и учеников.

Поздно вечером ушел с вокзала поезд наркома. Надолго оставил о себе память любимый вождь железнодорожников.

...Алексей встал, одел рукавички и взяв палки в руки, стал взбираться на сопку. Вот он на ее вершине. Как на ладони раскинулась перед ним железнодорожная станция. Во многом изменилась она с тех пор. Красивый вокзал возвышается над путями, через которые широкой дугой перешагнул виадук. Блестят стекла одиннадцати корпусов депо, воззается в небо труба электростанции. Поселок электрифицирован. На бывшей окраине, теперь застроенной ровными рядами двухэтажных домов, возвышается новая школа. Отделана она просто и кра-

шторы, на полу пестрая дорожка. Бело-молочные колпаки люстр. По вечерам под звуки пианино, раздаются веселые детские голоса.

Алексей с гордостью смотрит на поселок и в уме его складываются строки:

Стоял на горе зимой.
Внизу лежит поселок мой,
В котором жил я много лет,
Любовью родины согрет...

Он прожил здесь десять лет и видел рост этого поселка. Из захолустного полустанка он превратился в замечательную станцию с двадцати-пятитысячным населением. Как красив поселок ночью, когда зажигаются огни! Он весь сияет снопами электричества.

Алексей любит остановиться на виадуке и смотреть на окружающий мир. Слева и справа горят рубины световых фонарей, прямо внизу вокзал, кидающий сквозь переплет своих окон матовую пыль электричества, два рефлектора заливают перон водопадами света. В воздухе носятся свистки, лязг металла. Алексей вспоминает радостный день приезда в поселок Лазаря Моисеевича и в нем сильнее укрепляется решение стать строителем паровозов. Вот кончит он десятый класс и поедет в транспортный институт, станет инженером-строителем, изобретет какой-нибудь замечательный паровоз...

Алексей оттолкнулся и помчался вниз, навстречу любимому поселку. Только ветер свистел в ушах, да шуршал снег.

=0=0=0=0=0=
=0=0=0=
=0=

Дима ПИЛЬЧЕВСКИЙ

15 лет. 70 шк. г. Киев 52.
ул. Мельникова д. 60, кв. 2.

М О Й Б Р А Т

Когда солнце зайдет за березы,
Я у стрелок знакомых встаю.
Чтоб услышать гудок паровоза
И увидеть вагонов змею.

Поезд мимо проходит стрелюю,
Но я вижу как в узком окне
Машинист долго машет рукою
И смеется приветливо мне.

Я люблю этот поезд с отдышкой,
Издававший радостный свист!
Этот поезд ведет мой братишка,
Знатный в нашей стране машинист.

Он веселый, простой и негордый
Любит петь, танцевать и шутить.
Он побил мировые рекорды
И еще собирается бить.

Он спокоен, но, если войною
Будет родине враг угрожать,
Он готов пересест в бронепоезд,
Чтоб свободный народ защищать...

А пока мимо речек и пашен
Он проводит стального коня
И рукою загорелюю машет,
Лишь завидит у стрелок меня...

И когда за синющим лесом
Прозвучит затихая гудок,
Я смотрю еще долго на рельсы
И на тающий в небе дымок.

Вечер тихий сменяется ночью,
Ветер клонит желтеющий лист...
Где-то поезд тяжелый грохочет,
На котором мой брат машинист.

=O=O=O=O=O=
=O=O=O=
=O=

Е. ГРОШЕВА.

уч. 9 кл. ср. шк. № 8 Яр. ж. д.
ст. Александров.

ПОЕЗД МЧИТСЯ СТРЕЛОЙ

Поезд мчится по равнине,
Путь стальной искрист и чист.
На Восток ведет машину
Комсомолец машинист.

Он воспитан комсомолом,
И, приказ его приняв,
Водит он рукою твердой
За составами состав.

Мчится поезд лентой длинной,
Дым лохматой пеленой
Расстилается в низине,
Рядом с лесом встал стеной.

Мимо окон все мелькает,
В хороводе дальний лес.
Поезд скоростью играет.
Вот шлангбаум... переезд...

Поезд к станции подходит,
Замедляет быстрый бег...
Отдуваясь, встал к перону,
Частью кончив свой пробег.

Остановка небольшая.
Зычно крикнул паровоз,
Клубы пара выпуская,
На Восток состав повез.

Но теперь полей простора
Заменились тайгой,
И деревья - исполины
Встали грозною стеной.

Мчится поезд лентой длинной,
Путь стальной искрист и чист.
На Восток ведет машину
Комсомолец - машинист.

СЕСТРЕ МИЛОСЕРДИЯ, УЕЗЖАЮЩЕЙ НА ФРОНТ

На площадке второго вагона
В серой шали стоишь на ветру,
Я рукою махну ей с перрона,
Но слезинки с лица не утру.

До свиданья... Умчишься ты скоро.
И прощусь я с тобой набегу.
Загорятся огни семафора,
Я сказать тебе все не смогу.

Скоро поезд исчезнет в тумане,
Буду долго смотреть тебе вслед...
Пролетит, как в кино на экране
Вереница сверкающих лет.

И быть может, на том же перроне,
Меня также проводит другой,
И в погоню зеленым вагонам
На прощанье помашет рукой.

С. ЛЮБАКОВА

г. Пенза 19 шк. 8кл. "А"

ИЗ ОКНА ВАГОНА
=====

Серебрятся рельсы рыбьей чешуей,
Пишет буквы в небе розовый дымок.
Далеко остались шалунишки дачки,
Пробежал на Север молодой лесок.

Быстро мчится поезд: ветер завывает;
В пляшущем стакане прыгает вода;
Пожилая елка головой кивает;
Воробьев несется бойкая гурьба.

Частый мелкий дождик, зарядил по стеклам,
Осенью раздетые зябнут тополя...
Домик на пригорке... Пестрая корова...
Без конца и края милые поля.

=0=0=0=0=0=
=0=0=0=
=0=

Б. ПАРАМУЗИН

Уз. ССР ст. Коканд. Ферг. обл.
ул. Кольцова, д. 6.

ИСПОРЧЕННАЯ ТЕМА ВОЛЬТОНА
=====

У писателя Вольтона, было свое особенное правило - если он начинал писать рассказ или очерк, то тему выдумывает сразу и здесь же пишет, но стоит помешать, он бросает, а после как не пиши, все равно не получится. Хотя в тайне и вздыхает о теме, которой не было еще во всей литературе мира.

Все это случилось и на сей раз. Вызвав к себе в купе переводчика из Интуриста, он спросил:

- До Москвы сколько осталось?

- 70 - 80 километров.

- Порядочное расстояние, - протянул Вольтон и быстро добавил, - вы можете идти.

Переводчик вышел.

Когда писатель остался один в купе, он мысленно высчитал и сделал вывод:

- Через два часа будем в Москве, за это время можно написать хороший рассказ.

Прихлопнув дверь, он подошел к окну; перед его взором проносились огромные поля колхозов.

Их колыхал тихий ветер, залезая в самую гущу и вдруг странно замирая, как бы боясь выдать свое присутствие.

- Прекрасная страна!

И сам вздрогнул от этих слов, ему не хотелось открыто признаваться об этой земле, которую сам протягивал в очерках.

Он отошел от окна и сел писать; тема была хорошая, новая, тема была в голове.

Прислушиваясь к стуку колес, он сам выработал слова под их ритм: - "Не напишешь! Не напишешь!" - ему казалось, что так твердили колеса. Иностранец взглянул на часы: еще полтора часа.

- Успею!

И он стал писать.

Поглащенный своей темой, он не услышал как смолк стук колес, не увидел нового пейзажа.

В дверь постучали, писатель вскочил.

- В чем дело? Вы мне мешаете!

- Но ведь мы приехали! - входя сказал переводчик.

- Как? - переспросил писатель, удивленно глядя на часы.- Как? Я не мог ошибиться, да и часы у меня фирмы...

- Дело не в часах, может вы неправильно высчитали? А?! Как вы считали?

- Вот как. Однажды из Парижа я выехал...

- Хватит! Вы только скажите на каком поезде?

- Известно на каком, раз из Парижа, на французском.

- На французском? И значит вы считали скорость..

- Считал, что приеду через 2 часа.

- А приехали через 1 час 10 минут. Вы, может, не верите, подойдите к окну.

Писатель посмотрел: да, это красивый вокзал Москвы! И вдруг он вспомнил о рассказе.

- А рассказ? Вы испортили мою тему!

- Не я, а вы сами.

- Как? Почему?

- Потому, что сравнили скорость французского или другого там поезда, со скоростью советского!

=0=0=0=0=
=0=0=
=

СТАЛИНСКАЯ ДЕТСКАЯ ДОРОГА

Ветер мечется задирой,
Рвется в маленький вагон...
Пассажиры, пассажиры
Переполнили перрон!
- "Эй, ты, ветер, без билета
В поезд наш нельзя войти!"
Славно мчатся зиму, лето
Нам по нашему пути.
Мимо ветер, ветер вейся,
Пролетая под откос.
Быстро сматывая рельсы,
Пробегает паровоз.

Припев: "Мы несемся с пионерским маршем
Под размерный, чоткий стук колес.
Пересядем, когда станем старше,
С паровозика на паровоз!"

Вон дежурный - он в фуражке
И с флажками на боку,
Красный галстук на рубашке
Разбежался на ветру.
Мимо поля, мимо леса,
По дороге по стальной
Паровоз ведет по рельсам
Наш водитель молодой.
Очень точный, очень строгий,
Среди солнца и дождя,
Он по Сталинской дороге
Мчится с именем вождя!

Припев:

Поработали мы много,
Но зато теперь, смотри,
Мчимся мы своей дорогой
От зари и до зари.
Дым, как белые сугробы,
Мечит темная труба.
Мы отличники учебы,
Мы отличники труда.
В знаниям мудром и пытливым
Мы мужаем и растем,
И единым коллективом
Мчимся сталинским путем.

Припев: "Мы несемся с пионерским маршем
Под размерный, четкий стук колес.
Пересядем, когда станем старше,
С паровозика на паровоз".

=0=0=0=0=0=
=0=0=0=
=0=

Т. ПЕТРУШКИН

Перово шк. № 2 Лен. жел. дор.
Карачаровский комб. (стар.
пос.) д. № 2, кв. 9.

"СЕДОВ" ПОВЕДИТЕЛЬ

Морозы, пурга и торосистый лед
"Седов" — победитель в тумане плывет.
Пятнадцать советских на нем смельчаков,
Пятнадцать героев — большевиков.

Низко, над льдами, висят небеса.
Советские люди творят чудеса.
Ветер свирепствует, снасти он рвет,
Но наши герои стремятся вперед.

Льды громоздятся, и злится медведь:
"Покою и власти не будет мне впредь".
Не унывают одни смельчаки:
Природу седлают большевики.

Уж близко, у цели, дрейфует "Седов",
Советское знамя несет он среди льдов.
И СТАЛИН великий у них на устах,
А с именем этим неведом им страх...

=O=O=O=O=O=
=O=O=O=
=O=

Дм. РАШЕВСКИЙ

уч. 9 кл. "А" 3-й шк.
ст. Мелитополь

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА
=====

За окном, казалось, выли звери,
Сильный ветер глыбы снега нес.
То не ветер: открывая двери,
Заходил бесстрашный дед Мороз.

Стало мне и холодно и жарко,
Я притти в себя едва успел,
Слышу голос: "Принимай подарки!"
Подошел Мороз ко мне и сел.

Присмотрелся я:
Величественный, строгий,
Вдруг он стал и милый и простой,
Широко с трудом расставил ноги,
И встряхнул искристой бородой.

Он сказал: "В горах шумели ели.
В снеговом дворце лесном я жил.
Злые ветры от Дворца летели,
И один мне вести приносил..."

И однажды я узнал, что люди
На вершину гор хотят взойти...
Я ответил: Этого не будет! -
И замел снегами все пути...

Скоро весть принес мне младший ветер:
- Знать, отец, снега им не страшны,-
Сквозь пургу проходят люди эти -
Их, отец, бураном устраши.

Я послал двенадцать сильных ветров,
И буран все мечет и метет...
Младший весть принес, что метр за метром
Люди продвигаются вперед.

Я велел, - и дед насушил брови, -
Чтоб слепил глаза им снежный шквал.
Принесли мне весть, что мол и снова
Этим я людей не испугал,

Что взошел победно на вершину
Тот отряд, что смело вел твой брат.
И тогда велел вернуть я сыну
Ветры побежденные назад.

А потом... не снежный шквал метался,
Нет, не ветер глыбы снега нес -
Весело, приветливо смеялся
Милый, краснощекий дед Мороз.

Свет играл в его туманном взоре,
Теплою волною радость нес,
В праздничном ликующем уборе
Отдыхал под елкой дед Мороз.

=o=o=o=o=o=
=o=o=o=
=o=

К И Л Ь И Ч У
=====

Мороз.

Снежинки в воздухе летают.
В колючий иней старый Кремль одет.
С великой скорбью люди вспоминают
О ЛЕНИНЕ - о друге и вожде.

Когда вождя великого не стало,
Когда гудки прорвали тишину,
Когда большое сердце замолчало,
Одела скорбь родимую страну.

По улицам, по паркам и бульварам
Мы с мамой шли куда то далеко,
А мама плачет. Редко она плачет,
Но если плачет - горе велико.

Пришли мы к дому с трауром на флагах,
А там народу - скоро не пройдешь...
Стоят колонны множеством зигзагов -
Рабочие, крестьяне, молодежь.

А снег и холод словно разоздились,
Что их народ бояться перестал,
Что и в пургу здесь люди появились
И без конца идут в Колонный зал.

Бросает ветер за ворот снежинки
И треплет ленточки у красного венка,
Морозит бисером прозрачные слезинки
И рядит в иней мех воротника.

В колонный зал сейчас народ стремится:
Там спит Ильич глубоким, вечным сном,
А на тужурке орден золотится
И солнца луч на ордене родном.

Мы с мамой тихо к гробу подходили.
Я видела его - он близкий, дорогой...
И мама мне тогда проговорила,
- Смотри, вот ЛЕНИН - дедушка родной.

И видели в почетном карауле,
Как в капоре девчурка голубом,
Серьезно лобик маленький нахмуря,
К вождю пришла с алеющим венком.

И детскими несмелыми словами,
Но звонким ясным голосом своим
Сказала: "Дедушка, всегда ты будешь с нами!
Твои дела мы смело завершим".

=0=0=0=0=0=
=0=0=0=
=0=

ПЛОТНИКОВА Юлия.

уч. 10 кл. ж. д. шк. № 16
г. Мары Туркмен. Респ.

"ЛЕНИН ЖИВ".

/Впечатления в каникулы/

Сегодня я последний день в Евпатории. Я уже простилась с городом, с морем. Странное двойственное чувство охватывает меня. Хочется быть дома, с новыми силами приняться за учебу. Хочется снова видеть знакомых и близких людей. Но мне жаль расстаться с морем, которое поражает своей гордой красотой и величием. Я привыкла и к этому городу, с его оживленными узкими улицами, с его странной старинной архитектурой, с его постройками из серого ракушечного камня.

Вечером я иду в кинотеатр. Сегодня - "Ленин в 1918 году". - Кадры один за другим сменяются на экране. Я живу вместе с действующими лицами, я переношусь в 1918 год.

Я вижу гения человечества ЛЕНИНА. Вижу, как все движется его умом и несокрушимой волей.

Он смело и уверенно ведет страну вперед, к победе над врагами революции. Он вождь!

И в то же время он человек, такой простой, добрый, милый! Он для меня самый близкий и родной человек.

Я переживаю за него, боюсь за его жизнь... Но ЛЕНИН снова с нами. Взволнованная, под впечатлением виденного, я еду в Москву.

ЛЕНИН живет в моем сознании. Снова и снова я вижу его улыбку, прищуренные, немного насмешливые глаза энергичную, устремленную вперед походку и жесты короткие, но полные энергии. В Москве моя первая мысль: "К ЛЕНИНУ".

Красная площадь. Длинной лентой шли люди посмотреть на своего вождя. Я присоединяюсь к ним. У входа в мавзолей как изваяние замер почетный караул.

Красный и черный мрамор, матовое освещение и прохлада. Лестница вниз. Откуда-то доносятся торжественные и печальные звуки траурного марша. Медленно двигаются люди. Полная тишина.

Вот небольшая комната. В середине ее на пьедестале гром. Вот он ЛЕНИН. Я напряженно всматриваюсь в знакомые черты: ЛЕНИН...

Слишком резок контраст между образом живого, энергичного ЛЕНИНА, с этим милым, но в то же время таинственным спокойным лицом. Жизнь и смерть.

Что-то сдавило горло. Стало трудно дышать. Кричать, протестовать, что-то сделать, сейчас, сию минуту, чтоб разорвать это зловещее спокойствие смерти. Я не хочу, я не могу верить, что смерть так бесцеремонно вступила в свои права и что его уже нет среди нас.

Оглядываюсь, кругом печальные лица.

Выход. Я на Красной площади. Шум, движение, солнечный свет. Высоко в небе летят три самолета; еле слышен шум их моторов. Стена Кремля, здесь жил ЛЕНИН. Спасская башня, над ней горит рубиновая звезда. Вереницей проносятся автомобили. Проходят люди. Вот прошел отряд красноармейцев. Оркестр заиграл жизненную, зовущую к победам песню. Это жизнь.

Эта кипучая жизнь столицы страны социализма. Страны созданной партией большевиков и могучим гением ЛЕНИНА.

Это его творение - новая Москва! Его мечта - электрификация, его мысль - самолеты.

Победный путь моей страны ее сила, сплоченность и движение вперед к еще более прекрасному будущему - к коммунизму, - это ленинский путь.

Большая радость охватила меня. Я счастлива, что живу в это прекрасное время и говорю:

ЛЕНИН ЖИВ!

=0=0=0=0=0=

Люба КАСЬКО.

Ю кл., ст. Изюм ср. шк.
№ II.

Ч А П А Е В

/сказ/

То не крылья лебедей серебрянных
Над водою синей прошумели -
Это утро поднялось туманное,
В камыши прогнало бурю-ноченьку.

- Ах ты ноченька,
Злая неясная,
Что ж ты соколам
Выгля оченьки?
Что ж ты прятала
Черных воронов
Под крыло свое
Тоже черное?
Мало что-ль тебе
Звезд рассыпчатых,
Аль светлее их
Вражье золото?

Побледнела ночь.

Помолчала ночь...

В камышах на Урале спряталась.

Ты Уралушка,
Урал быстрый мой

Как пестро горит
Рассвет бисерный.
Засеребрянная
Мурава кругом,
И осины шумят
В голубом, голубом.
Ты-ль не пил по утрам
Красу зорюшек,
Что задумал краснеть
Буйной кровушкой?
А зачем ты повел
С ночью разговор
На большую беду
Пожар-зареву?

Как заплелся туман в косу длинную -

И повел Урал повесть дивную:

- То не крылья лебедей серебрянных
Над водою синей прошумели -
Это утро встало и туманами,
От казаков спрятали Чапаева.

Не упал закат птицей раненой,
Крылья розовы не раскидывал...
Отчего ж кричат злые вороны?
Чью почуяли они кровушку?

Уж как пала на кудри осиновые
Золотая кручина осенняя:
Где спрячут они Чапаева,
Коль растают туманы белые?

Что вдали, под курганом чернеется?
То кибитка стоит киргизская.
На нее молодая осинушка
Бахромчатую шаль набросила.
Ты воробушек, птица малая,
Полети узнай про кибитушку.
Расскажи про Чапая хозяину,
Расскажи про казаков -
про воронов.

Выходил тут навстречу Чапаеву
Чуть не деду-Уралу ровесник,
То-ль из лунных лучей старинушка
Смастерил и усы и бороду.
Но смеялись глаза киргизские,
По любовному так смеялись,
По-родному глядели узкие
В соколиные очи Чапаева.
- Не печаль ты лица, Чапаяшка.-
И к земле чутким ухом прислушался...
Прогремела земля старинушка,
Знать погоня уже близехонька.

Где взялась тут и сила у старого -
Что как свистнет по соловьиному...
Только чуткая даль откликнулась,
Да посыпались листья пожарами.
И явился конь пред Чапаевым...
В целом свете не сыщешь равного!
О таких и в сказках не сказывали,
И цари на таких не езживали.
Как тряхнет своей гривой огненной -
Точно искры степью рассыпятся,
Как помчит - так земля заохает...
Только ветер да пыль - погонею,
Тут сказала земля старинушке,
Что под тучами вороны кружатся...
И промолвил старик Чапаеву
На прощаньице тихо-тихохонько:
- А теперь поезжай прямохенько,
Где туман на закате краснеется,
И где горы змеями выгнулись -
Там увидишь свою дивизию.

Конь тряхнул своей гривой огненной -
Точно искры степью рассыпались,
И понес разудалого молодца...
Только ветер да пыль-погонею...

Вот и скрылся Чапаев из виду.
Как нагрянули черные вороны,
И давай старика пытаться-спрашивать:
Где девался батырь - Чапаюшка?

Как сказал старик, что не ведает,
Не поверили лютые, подлые,
Долго били его и мучили -
На осине седой

повесили.

И зачем старика то повесили?
Аль, не знали вы, люди недобрые,
Что сгорала жизнь его в горюшке,
Серым пеплом ложилась на голову?
Что плелась его жизнь ослепшая
В темноте, где ни светлой искорки,
А как спас он Чапая,

так вспыхнула

На закате вечерней зорюшки?

Долго рыскали степью-золотом,
Да ни с чем к генералу вернулись,
Говоря, что Чапая похитила
Синепенная стужа уральская.

Потухали бои гражданские,
Побеждали родные красные...
Да бывало возьмет кручинушка -
Нету пулюшек, нету силушки:...
И в такое времячко трудное
Точно грохот степью прокатится,
Как летит Чапай, да с дивизией,
И под ним-то конь пляшет пламенем!
Разыграется кровь партизанская -
Один взмах -

и врагов как не было.

Оглянутся бойцы победившие -
Ни дивизии...

Ни Чапаева...

Только поле,

раздольное полюшко -

Дышит долей,

И теперь он живет припеваючи,
Да не прежний красивей, могучее,
И сильна его грудь орлиная
Четырьмя орденами украшена.

Коль враги на Союз подвинутся

И забьется сердце тревогою -

Он бессмертный, опять появится,

Богатырскую силушку кажучи.

=0=0=0=0=

Т Р И П О Л Ь Е

Ленинско-Сталинскому комсомолу - автор.

На крутом Днепровском берегу
Разметалось тихое Триполье.
Ветер дунет,
Тучи набегут,
И сожмется сердце острой белью:
Никого...
Как будто жизни нету
В этом старом приднепровском уголке...
Только ночью,
Только до рассвета
Кто-то тихо уходил к реке.
Говорили, спорили, шептались
Тени юркие с обрезом за спиной,
А под утро - снова расставались.
Жизнь текла обычной чередой.
И опять
Суровое безлюдье,
Изредка собака пробежит;
Думается: разве это люди,

Если могут так безмолвно жить.
Песен звонких под вечер не пели,
Не шумели парни, как всегда;
Словно все,
Растаяв, улетело
В давние туманные года.
В тишине Триполье утопало,
Не бурлила быстрая река,
Но незримой силой управляла
Жадная
Кулацкая рука.
Собирались дикие отряды,
Пож, обрез вооруженье их...
А в церквах -
Священные обряды
Собирались в пользу всех святых:
"Помогите, дескать, всетворящие,
Изловить, казнить большевика.
Только мы
Тут люди настоящие,
Мы живем тут целые века.
И земля наша
Плодородная,
Пусть опять останется у нас"...
Так они,
Враги чернобородые,

Кулаки, мечтали каждый час.
Но святые мало помогали -
Видно силы не было у них -
И бандиты шайку собирали,
Не надеясь больше на святых.

=0=

Приближались громовым раскатом
Выстрелы и залпы батарей...
Уходили в армию ребята
На простор украинских полей.
И теперь к суровому Триполю
Подходила фронта полоса:
В двадцати верстах -
Окопы, колья,
И спаленные пожаром небеса;
В двадцати верстах -
Война и взрывы,
Пулями плюющий пулемет.
Свищет ветер гибельным порывом,
И горнист трубит:
"Вперед! Впе-ред!"

=0=

И село немного оживело.
Паникой подергивалась жизнь.
Ветер стих...
Безлюдье...

Вечерело.
А сады глядят с обрыва вниз.
Пала ночь,
Прохладная, красивая;
Замигали звезды над рекой,
Утром же -
Волнующе игривое
Поднималось солнце над водой.
В этот час к обрывистому яру
Подошла компания ребят,
Прошлой ночью в яростном пожаре
Отбивался крохотный отряд.
И теперь осталось их немного -
Смерти в жаркой битве не нашли -
А к утру неведомой дорогой
В тихое селение вошли.
По селу прошли безмолвно, ловко...
Каждому по девятнадцать лет,
За спиной у каждого винтовка,
А на сердце - кимовский билет.
Встретили их улицы безмолвные,
Тишина...
Как будто вымер люд.
Лишь сады, цветущие и полные,
Освещали временный приют.

Вдалеке у в"езда на дорогу
Тихо лег разведчиков отряд.
Командир то радостный,
То строгий,
Для поддержки веселил ребят.
Говорили тихо и взволнованно
Про Москву, про Красный Петроград,
Про права, что властью завоеваны...
Про бои по месяцу подряд...
Потемнело небо светлосинее,
Окунулось солнце за леса,
Где-то там раздался крик гусиный,
Где-то тихо запевают голоса...
Ночь упала, темная, беззвездная,
Над Днепром колыхается туман.
Вдруг...
По нервам сталью перехлестывал
Прикоснувшийся к виску наган.
Что-то острое,
Холодное и жгучее
Перебило предрассветный сон...
Жизнь ушла, хорошая, кипучая,
Позади оставив только стон.
Смерть накинута,
Завылатажкой пулею.

Лишь один парнишка уцелел.
На коня!!!
Ногой босой рванул его
И стрелой к Триполью полетел.
"Сообщить во что бы то ни стало
Остальным, которые в селе"...
Несся он. И эта мысль хлестала
Боевого парня на коне.
Но бандит мгновенно обернулся,
Под ружьем не дрогнула рука,
Выстрел пулей
К всаднику рванулся,
Снял с седла лихого седока.

=o=

Вечер темной тучей посерел...
На гранатах выверены кольца.
Сам батько над ухом заревел:
"Выбить из Триполья комсомольцев,
Иль постой...
Возьму я их живыми,
Я им силу нашу покажу:
Понатешусь завтра я над ними,
Но ни одного не пощажу"...
День вставал безлюдный и суровый,
Дикий ветер, словно в море шквал.
День настал, безжалостный и новый...

Лучше б он совсем не настаивал.

Для чего?

Чтоб это утро летнее

Смерть затмила пологом своим,

Чтоб они, бойцы немногочетные,

Так нелепо в плен попали к ним,

К этим гадам в человеческой одежде,

К этим варварам бесчувственной души.

Солнце!

Ты такое, как и прежде,

А леса!

Вы так же хороши.

=0=

Только тихий шум в селе слышали,

Что-то с гиком свистнуло вокруг,

Пронеслось над выжженными крышами,

Застучало пулеметом вдруг.

Ворвались в село с бандитским посвистом:

"Где они?"

"Давай их всех сюда!"

Словно демон, черной тенью носится

Сам батько,

Ему кричат: "Туда"...

"Там они, в сарае, за околицей"...

Унеслись.

И шум слегка притих.

Солнце!

Что ж ты солнце, не расколешься?

Почему ты, ветер, не прогонишь их?

=0=

"Эй... вставайте"...

Зверскими словами

Забросали скромный сеновал.

"Вот теперь как следует мы с вами"...

И на плеть с усмешкой показал.

Руки связаны, повернуты назад,

След нагаек, кровь из ран сочится.

В плен попался крохотный отряд,

Не придется им, наверно, биться.

Нет, придется!

=0=

Темный каземат,

Пол сырой, решетчатые окна.

Спины жаром огненным горят,

И рубаха вся в крови намокла.

Били долго...

Ни единый звук

Не сорвался с уст героев смелых,

Воду лили, пилы, иглы...

Вдруг...

Дверь, открывшись, тихо заскрипела.

И вошел с довольно толстой мордой

Неизвестный с саблей в руке,
И, усы покручивая гордо,
Он стоит. Рука на козырьке.
"То они, на месте провалиться", -
Говорит усатый человек,
А кругом -
Безмолвны - серы лица,
Сень лесов и полноводье рек.

=0=

Ночь упала, злая и ненастная,
Все знакомо:
Окна, дверь, порог...
Где ты Армия,
Родная,
Красная?
Меж каких гуляешь ты дорог?
Может - просто на другом обрыве
Жжешь костры, цыгаркою дымишь,
Может - скамешь в яростном порыве,
Может птицей по степи летишь...

=0=

Наступило утро темносерое,
Дверь рванулась, скрипнула петлей,
На пороге пара офицеров,
Позади седой солдатский строй.
Повели...

Знакомая дорога:

Ар, река, зеленые сады...

Лица смелы, а движенье строги.

Привели и стали у воды...

Ой, вы степи! Чистое раздолье,

Не забудьте нас, своих сынов.

Смерть для нас угрюмое Триполье,

А могила -

Тот зеленый ров.

Выстрелы шрапнелью покатались,

Разорвали злую тищину,

Гулким эхом тяжело отразились,

Птицею взметнулись в вышину...

=0=

Отгулял пожар над Украиной,

Зацвела богатая земля,

Запестрели милые равнины,

Серебрятся в селах тополя.

Снова песни вьются над рекою,

Зеленеет радостная новь,

Над большой

Советскою землею

Процветают счастье и любовь!

=0=0=0=
=0=

ЧАЙКОВСКИЙ Геннадий

ст. Сальск Сталинградск. ж. д.
шк. № 8, уч. 8 кл.

ПУТЬ СВОБОДЕН

Это было в 1937 году. Сурово ревела тайга при закате. Около окна железнодорожной будки сидел сторож Трофим. Это был мужчина лет под пятьдесят. Сквозь черную шапку волос пробивались кое где пряди седины. Сила чувствовалась в этом открытом таежном человеке. Широкая грудь, сильные мускулистые руки, которые нежно гладили огромную серую овчарку. В комнате было полутемно. Трофим сидел неподвижно. Часто в непогоду он вспоминал свое прошедшее время. Вот и сейчас. На дворе льет дождь, ревет тайга. Огненной вспышкой озаряют его сквозь окно снопы молний.

Вспоминает Трофим про гражданскую войну, про таежные походы партизан. Неподвижно уставил свои умные глаза на четвероногого друга. А друг у него был особенный. Хотя он и не человек, но понимал Трофима. Живя один, Трофим мало говорил, и друг его получил кличку Грот. Трофим произносил кличку коротко. И Грот понимал по голосу настроение своего хозяина и друга.

Зазвенел звонок телефона. Трофим выслушал и сказал коротко: - "Приму". Потом оделся, взял фонарь и вышел. Грот был с ним. Шел экспресс. Трофим проверил путь и встречал поезд. В нетерпении бегал Грот.

Наконец, показался поезд. Разноцветный, он промчался как урган. Радостно лаял Грот. Шумела тайга. Трофим шел в дом. Старательно отбросил с пути лишний камешек... день и ночь дежурил Трофим, а с ним и его друг - Грот. Близился рассвет. От ночной бури осталась лишь ветер, который шумел по верхушкам деревьев. Трофим проводил товарный поезд. Загорается заря на востоке. Ожил лес. Птицы начинают свой день. Грот вел себя непонятно. Бежал с лаем вперед, потом возвращался. Трофим забеспокоился. Ему казалось, что Грот так и хочет сказать, что бы он шел быстрее. И он почти побежал. Когда они подходили к дому, Грот злобно зарычал. Навстречу Трофиму шел военный человек. На синих петлицах сверкали квадраты. Трофим успокоил Грота. Незнакомец подошел и сказал:

- Здравствуйте. Я лейтенант погранзаставы КОЗЛОВ.

- Трофим улыбнулся.

КОЗЛОВ продолжал:

- Мне нужно с вами поговорить.

- Пройдемте в дом,- сказал Трофим.

Незнакомец пошел за Трофимом. Во дворе стояли на привязи шесть коней. Тут же сидели бойцы. При появлении Трофима, все поднялись. Он с лейтенантом вошел в дом. У двери лег Грот. Видя, что хозяин его дружно беседует с незнакомцем, он добродушно потягивался и дремал. Но все это не мешало следить за незнакомцем. Он весь готов по знаку хозяина броситься на незнакомца. Незнакомец продолжал прерванный разговор:

- Нашу границу перешла вооруженная группа бандитов. Во время боя несколько человек прорвались и скрылись в тайге. Между ними есть диверсанты. Возможно, что они хотят взорвать поезд особого назначения. Вам необходимо усилить обход своего участка. Будьте наготове. В случае чего, дайте знать или на станцию или на заставу.

Трофим был спокоен. Только на лице нервно ходили мускулы. Он встал, подошел к Гроту. Лейтенант ждал ответа.

- Я, если что нужно будет, пришлю к вам Грота. Оружие у меня есть. Гражданская еще живет. Постарайсь,- сказал Трофим.

КОЗЛОВ горячо попрощался с ним, и отряд посккал.

- "Ну, вот, дождались и мы с тобой Грот, ответ-

ственного поручения. Теперь гляди в оба". И Трофим начал смотреть в оба. Чаше стал делать обход путей. Два дня спустя, когда он после осмотра путей сидел и ужинал с Гротом, к нему постучались. Грот зарычал. Трофим сунул в карман браунинг - пошел к двери. Дверь отворилась и на пороге появилось трое людей. Трофим пригласил их в комнату. Незнакомцы, озираясь по сторонам, держа руки в карманах, которые отдувались в стороны, прошли в комнату. Грот дико зарычал и бросился на первого незнакомца, но в воздухе мелькнул подкованный каблук сапога. Грот визжа отскочил в сторону. Все сели за стол. Незнакомцы сняли со спин тяжелые ранцы. Стали закусывать. Завязалась беседа. Трофим понял, что это были те, которые прорвались через границу. Незнакомцы выдавали себя за геологов. Разговор шел про Москву. Под кроватью сидел Грот. Изредка раздавалось его рычание. Незнакомцы достали карту. Громко обясняли по карте места, где они должны были вести разведочные работы для "государства". Трофим обдумывал положение. Вдруг раздался звонок телефона. Трофим спокойно снял трубку и стал слушать. В разбитое старое зеркало, которое висело около телефона, он видел лица незнакомцев. Лица их были устремлены на Трофима. Глаза выжидающе смотрели на него. Незнакомцы хотели что-либо слышать. Трофим быстро пове-

сил трубку и обернулся. Незнакомцы едва успели обернуться. Трофим погасил улыбку в густых усах. Потом, как бы извиняясь, сказал, что надо встретить поезд. При слове "поезд" знакомцы переглянулись. Трофим зашел в кладовую, где были сложены старые фонари и всякий хлам. В старом ящике, который стоял в углу, он открыл крышку и вытащил сумочку патронов. Потом наклонился, сунул руку глубоко под хлам, который лежал в ящике, достал маузер. Все это он поместил под полушубок. Для отвода глаз он выбрал фонарь и вышел. Гости испытующе осмотрели его. Позвав Грота, Трофим вышел. Далеко где то за большим поворотом линии, слышался свисток. Трофим взял фонарь, который стоял на лавке, отправился в сторону полотна. Старый фонарь старательно был запрятан в сених. Между тем, знакомцы, полушопотом, продолжали прерванный разговор. Человек, который поправлял очки, говорил. Двое внимательно слушали. Говоривший был, вероятно, главарем.

Потушив папиросу, говоривший продолжал:

- За этим надо следить в оба. Я его узнал. Это тот, который под Спасской сделал на нас налет. Его отряд был большой. Сам он попался нам. Но ночью, забрав с собой охрану, он бежал. Через несколько дней он пустил два эшелона с японцами под откос. Зверь, а не человек. Потом я ушел в Японию. А сейчас снова встретился с ним. Думаю, что на этот раз, заплачу за все.

Говоривший умолк, прикуривая. Затянувшись несколько раз, он снова начал:

- Во, дела какие. Как только узнаем час прибытия нашего поезда, так этому черту пулю в затылок. - и к полотну. Заложим фугасы и ходу назад. А там жизнь. Золото будет наше. Штаб полностью отдает обещанное.

В это время Трофим проверял маузер. Старательно протер ствол, курок. Щелкнул пару раз.

- Ну, вспомним старину, - сказал он радостно.

В это время подходил поезд. Сверкая огнями, промчался скорый. Трофим возвратился к дому. Уныло поджав хвост, шел Грот. Трофим открыл дверь и вошел в дом. Было тихо. Он удивленно осмотрелся. Гости исчезли.

- Грот, искать, - приказал Трофим.

Грот наклонил голову и пошел к двери. Трофим открыл дверь и вышел за Гротом. След вел в сторону тайги. Он позвал Грота и быстро вошел в дом. При свете фонаря он писал на клочке измятой бумаги. Было полутемно. Буквы ложились вразброд. Кончив писать, он взял бумагу и прочел вслух: "Незнакомцы здесь. Спешите". Эту небольшую бумажку, но дорогую ему, он вложил в ошейник Грота.

- Ну, пошел, - почти крикнул он.

Грот взвизгнул, выскочил в полуоткрытую дверь и скрылся в темноте.

Трофим подошел к телефону.

- Как это я сразу не додумался об этом, - с этими словами он взял трубку. Нажал рычаг. Ручка не пружинила. Тревожно глянул он внутрь телефонного ящика. Все было раздроблено. А на станции дежурный принял доклад по телефону. "Алло. Говорит пост № 109 путь осмотрен. Поезд приму."

- "Как странно говорит он, - подумал дежурный, - Трофим подробностей не любит".

Грот был на заставе. Лейтенант читал донесение. Коротко звучит команда: - "В ружье". - И повторяет дневальный и пограничники бегут в конюшни. А Грот бежит уже домой. Ветки хлещут его по спине. Изредка хлупает вода под ногами. Грот мчится напрямик. Вот и полотно. Грот быстро вскочил в дом. Пусто. Никого нет. Торопливо нашел след Трофима. Ночь снова поглотила его. Трофим шел быстро. Ему казалось, что поезд уже идет. Он видит, как весь состав скатывается с насыпи. Слышны крики. По его телу проходит дрожь. Но он знает, что поезда еще нет. И он спешит. Вдруг он споткнулся. Что-то зазвенело, напомнив ему телефонный звонок. Трофим нагнулся. Перед ним был телефон. Тоненький шнур уходил вверх. Протяжной трелью звенит звонок. Трофим схватил трубку. Слышен взволнованный голос дежурного: - "Что случилось? Кто звонит?" Трофим почти крикнул: - "У ме..." Впереди вспыхнул огонек. Со зво-

ном разлетелась трубка. Одновременно послышался выстрел: Трофим пригнулся. Со свистом пролетела еще одна пуля. Вспыхнул у Трофима охотничий инстинкт. Трофим отполз в сторону. Лег за бугром. Укрылся тулупом. А еще через минуту на бугорке мелькнул огонек фонаря. В стороне от него застыл Трофим с маузером в руке. Спереди вспыхнул огонек. Трофим пустил пулю в огонек. Два выстрела столкнулись, замерли на миг, а потом пошли гулять по тайге. Дико отдался в ушах Трофима крик человека.

- Одним гадом меньше, - подумал он. И охотничий инстинкт, смешанный с презрением и волей победить целиком овладел Трофимом. Он все забыл. Было одно. И это одно вселило свирепость ему. Над головой и в стороне от него свистели изредка пули. Трофим по выстрелам определял расположение гостей от него... Что-то темное и приятное коснулось его руки.

- Грот, ты? - почти шопотом выдавил Трофим. Снова лизнул его Грот. На этот раз в щеку. А гости не зевали. Глухо зарычал Грот. Трофим быстро поднял руку. Из темноты с обеих сторон на него бросились люди. Трофим выстрелил в противника. Что-то кольнуло его. На миг смешалось все. Рычание Грота, отчаянный протяжный крик человека. Выстрел.

- Поезд, - крикнул Трофим, - и потерял сознание. Через разрыв облаков выплыла луна. Жуткой картиной

представилось место, где только что разыгралась драма. Почти касаясь лежало два трупа. У меньшего трупа был зажат в руке маузер. А у большого — руки протянуты к фонарю, который мерцал в стороне на бугорке. В стороне была темная масса. Слышалось рычание. Это Грот грыз грудь противника, на ноге которого блестела металлическая подковка. Из-за далекого поворота послышался гудок паровоза. Гигантский труп зашевелился. Теперь он не был трупом. Попробовал ползти, но ничего не вышло. Все члены отказались повиноваться. Тогда еле слышно, он позвал Грота. Грот оторвался от ненавистного ему человека и подбежал к Трофиму. Трофим кивком головы показал на фонарь и приказал Гроту принести его. Грот в два прыжка достиг фонаря. Схватил его за ручку, поднял голову, чтобы фонарь не терся о землю, пошел к Трофиму. Когда он подошел, Трофим застонал. Стоном выскочило: "поезд"..

Слышен протяжный гудок.

- Иди, встречай, — сказал Трофим.

Грот схватил в пасть ручку фонаря и побежал. А поезд шел полным ходом. Спокойно глядел в окошко машинист. Здесь же в будке машиниста, был комиссар и командир. Слышны песни красноармейцев. Машинист глянул на водомер. Из окошка выглянул командир.

- Кажется к Трофиму под"езжаем, — сказал он.

- Да, здесь можно быть уверенным в безопасности

пути, - сказал машинист. - Любит свой пост Трофим.

Вдруг командир вытянул шею. Мощным потоком ветра сбило фуражку. Все бросились к окнам. Достали бинокли. Но машинист привычным глазом понял все. Привычно руки схватились за приборы. Быстро посыпался под колеса песок. Колеса завертелись в другую сторону. Но по инерции поезд шел еще вперед. От резкого торможения комиссар ударился о мягкую рамку окна. Смолкла песня. Тревожно заржали лошади. А из будки машиниста уже бежали люди. С молниеносной быстротой бежал Грот. Вместо фонаря, болталась ручка от фонаря. С недоумением смотрели на него люди. Бок Грота был в крови. Быстро подошел военный, приложив руку к козырьку, он начал докладывать:

- Товарищ командир, старший лейтенант погранзаставы КОЗЛОВ с нарядом пограничников прибыл по зову служащего. Собака повела по следу.

- Вольно, товарищ КОЗЛОВ.

Грот схватил за полу плаща командира и потянул в сторону, где лежал раненный Трофим. Быстро пошли. На встречу скакал пограничник.

- Раненный просит начальника, - донес он. Через несколько минут все были у места боя. Трофим поднялся и еле слышно прошептал:

- Фугасы под путями. - Снова потерял сознание.

Скоро были вытащены два ящика. Осторожно отнесли

их на поезд. А со станции прибыла дрезина с отрядом НКВД.

Тяжело раненного Трофима с Гротом привезли на станцию. Скоро рассвет. Обгоняя все телеграммы летела весть: "Москва, Кремль. Товарищу СТАЛИНУ. Жизнь путевого сторожа спасена. Со своей собакой вылетает в Москву тчк."

Снова Трофим с Гротом ходит встречать поезда. Только теперь Трофим не тот. За полтора месяца он сильно постарел. Больше стало седин. Похудал. Но теперь он не был грустным и задумчивым. Посмотрит на грудь, где висит орден ЛЕНИНА и засмеется. А дома с любовью смотрит на подаренное Наркомом железно-дорожного транспорта оружие:

- Да, вот и ты, Грот, отличился. Герой. В книгу почета служебных собак занесен. Молодец!

И Грот нежно мям в страшной пасти руку Трофима

С грохотом проходят поезда советской страны.

И каждому летит в догонку:

"Летите вперед, вестники Сталинских побед.
Вперед к коммунизму. Путь свободен".

=0=0=0=0=0=
=0=0=0=
=0=

II. КРИВОНОСУ

Поезд мчится быстрее, чем ветер,
Белый дым лишь клубится над ним:
Он быстрее стремится к столице,
Кривонос зорко смотрит за ним.

Вот уж скоро родная столица,
Вот уж звезды видны из Кремля.
Все быстрее он мчится и мчится,
Все быстрее мелькает земля.

И в тайге, и в Кремле, и в Донбассе
Побывал машинист Кривонос,
Выполняя свое обещанье,
Он рекордно повел паровоз.

Вот уже и в столицу в"езжает;
Все знакомые люди ему.
И железный нарком Каганович
Пожимает руку ему.

К О Н Ъ

Дверь конюшни растворена.

Солнце смотрит на меня.

Я рукой разгоряченной

Глажу рыжего коня.

Был он маленьким недавно,

Был вручен мне сосунком,

А теперь он вырос славным

Быстроногим скакуном.

Я взрастил его для нашей

Красной Армии родной.

Пусть Буденный, смелый маршал,

О коне даст отзыв свой.

Маршал скажет непременно:

- По душе мне этот конь,

Он товарищ будет верный,

С ним хоть мчись через огонь!

А пока мой конь со мною,

В гриву я ему вплету

Ленту красную с каймой,

Чтоб пылала на ветру.

НАША АРМИЯ

По дороге едут кони,
Пыль клубится у реки,
Едут с песнею веселой
Красные полки.

Командир дивизиона
Едет впереди,
Родины своей счастливой
Мы не отдадим.

Мчат тачанки,
Ползут танки,
Конница летит,
А за нею, громыхая,
Броневи́к пыхтит.

Нас ведет товарищ Сталин
Всех в последний бой -
Не сдадим врагам народа
Страны молодой!

Любакова Сусанна,
15 лет, шк. № 19 Пенз. ж.д.
г. Пенза, Инсаровская ул.,
дом № 16, кв. 2

С Е Н Т Я Б Р Ъ 1939 г.

Польский убогий домишко.

Тени лежат на полу...

Мать прикурнувшим детишкам

Песни поет про Москву.

Детские тихие вздохи.

Песня несется легко...

Солнце встает на Востоке,

Счастье с Востока пришло.

Воздух пропеллеры рвали,

Грозные танки ползли...

Помощи руку подали

Братья Советской земли.

Люди вздохнули свободно,

Вольно запели поля,

Нежно и братски любовно

Сталин глядит из Кремля.

Спите спокойно, детишки,

Спите всю ночь напролет:

Красный советский защитник

Отдых страны бережет!

М А Т Ь

На столе разбросанные книги,
На стене часы ровняют стук.
Лампа шупает зеленым светом
Черные тропинки букв.

Рядом мама, добрая такая!
Прядь седая бьется на очках
И бежит узор по глади кружев
От ее блестящего крючка

Милая, заботливая мама,
Старенькою стала ты теперь.
Сколько в жизни теплою любовью
Ты согрела горя и потерь.

Каждого поймешь и обогреешь,
Каждого сумеешь обласкать.
Радость,
 Нежность,
 Теплота земная,
Старая, трудящаяся мать.

Камаль Мадалиев.
уч. 2 Ташкентской школы
им. Крылова, 8 кл. "Б",
УзССР, г. Ташкент.

Д И Н А

/рассказ моего отца/

Стояла поздняя осень. Она была не та, золотая, от опавших листьев, с запахом снега, еще лежащего на горах, а дождливая, сырая, пропитывающая человека холодом, сыростью и тоской. Целыми днями беспрестанно лил дождь; дороги все покрылись непроходимой грязью; на улице по хлюпающей грязи одиноко торопились прохожие, стараясь поскорее добраться домой и проклиная непогоду. Небо серое и хмурое, затянуло облаками и кругом сырость, сырость и сырость. Такая осень напоминает мне различные невзгоды из моей жизни, старые, давно прошедшие лишения. Сейчас я отчетливо помню одну историю и хочу ее рассказать.

---oOo---

Это было лет 25 тому назад. Будучи сиротой, я жил у своей неродной тети в маленьком пыльном городишке Ч... Тетя была удивительно доброй женщиной. Как сейчас, я вижу ее тихое, красивое лицо, с печальными глазами, и всю ее фигуру, слегка согнувшуюся и усталую. Жили мы тогда очень бедно. В маленькой подвальной комнатке было всегда холодно и сыро. В углу стояла широкая деревянная кровать, на которой мы все трое спали, я, тетя и ее 3-х годовалая дочь - Дина. У единственного окна стоял стол, два табурета. Тети целый день не было дома: она работала на табачной фабрике и лишь вечером приходила домой;

я же сидел на пороге нашего дома с маленькой сестренкой, смотря на тихие, серые улочки, пустынные и неживые.

Летом, когда бывала солнечная погода, я, закрыв комнату на огромный висячий замок, отправлялся на лужайку к реке. Эти часы для меня были самыми лучшими в те годы. Река наша была очень широкая, с плавным течением и называлась Тихая. Пологие берега ее поросли тальником и густой зеленой травой. Придя туда, я ложился на траву и, устремившись в голубую высь, предавался мечтам. Любимой мечтой - фантазией была та, которую я ото всех тщательно скрывал. Мне казалось, что моя мать еще жива и она должна скоро приехать. Я мысленно представлял эту встречу.

С самого утра тетя хлопочет, прибирает комнату и начинает одеваться. Она одевает свою единственную шелковую юбку и розовую кофту, достает из сундука мне черные штанишки и перешитую из ее старой юбки серенькую рубаху. Она ласково моет мне руки и лицо, говоря: "Что-ж ты так извозился, дурачок". Наконец, все ^е умыты, одеты, тетя берет на руки Дину и мы торопимся на вокзал. Там нам говорят, что поезд еще не пришел, но скоро должен прийти. И верно. Через полчаса показывается черный паровоз. Он пытит, шумит и, дав свисток, останавливается у перрона. Из вагонов выходят с чемоданами люди, целуются, снуют носильщики. Вот идет и моя мама! Я сразу ее узнаю и тяну за руку к ней тетю. Она подходит к нам, целуется с тетей и обнимает меня. Я хочу ей что-то сказать, но не могу. Язык меня не слушается и у меня выходит только: "Мама! мама!" и чувствую, как неожиданно потекли по щекам слезы

и горький ком остановился у меня в горле. Мама меня гладит по голове, угощает, повторяя: "Не нужно плакать, ты ведь уже не маленький". Я начинаю всему этому верить, как плач Дины выводит меня из этого состояния. Я вскакиваю и вижу, что Дина упала в какую-то канаву и не может оттуда вылезть. Я ей помогаю и остаюсь стоять в недоумении и смущении. Я убеждаюсь в жестокой истине и мне становится очень грустно. Меня уж не радуют ни голубое небо, с печальными белыми облаками, ни густые заросли тальника, откуда доносятся веселые голоса птичек, ни прелестный вид величавой реки, и поникнув головой, нередко с красными глазами, я возвращаюсь домой.

--oOo--

Наступила осень. Тихие сады украсились созревающими плодами. Ветерок шумел и колыхал ветки, отвисшие под тяжестью яблок. Тетя покупала фрукты редко, но я с Диной лакомилась ими часто. Рядом с нами был большой сад одного богача, который из-за скупости, держал в сторожах хромого старика, платя ему очень мало денег. Старик, как правило, делал два обхода, днем и под вечер, а в остальное время сидел у себя в избушке. С сильно бьющимся сердцем, я перелезал через забор и торопливо рвал крупные спелые плоды. Я приносил своей сестренке бордовые вишни, потом, когда поспевали, сливы и яблоки. Вывалив добычу на кровать, я совал своей сестренке в руки фрукты, Дина схватывала пухлыми руками темнофиолетовую матовую сливу и, заливаясь счастливым смехом, от чего ее бледное личико хорошело, начинала есть.

--oOo--

К осени Дина заболела. У нее открылся сильный понос, который заставил ее очень похудеть; она сильно ослабла. Я добросовестно ухаживал за ней, не ленился мыл пеленки, но Дина постепенно, но медленно угасала. От полной прежде девочки не осталось и следа: на тряпках в углу лежала Дина, худая, с ввалившимися глазами, большей частью дремавшая. Теперь она не протягивала радостно руки приходившей с работы матери, а лишь, открыв глаза, снова их закрывала. Бедная мать была в отчаянии...

Теперь я ужасался той тишине, которая приходила к нам тогда ночью. Раньше, когда Дина была меньше, мать ей пела колыбельную песенку, под которую я, успокоившись, тоже засыпал:

- Спи, усни, моя малютка -

Баюшки баю.

- Тихо я рукой качаю

Колыбель твою.

- Ты печаль еще не знаешь

Баюшки баю.

- Ты спокойно засыпаешь...

Тут я не дослушивал и засыпал.

Тетя пела песенку, не вникая в ее смысл. Ее дочь, которой она пела, была не младенец в довольстве. Она была дитя нищеты, нужды и беспросветной будущности. И я ужасался той тишины. С тревогой я прислушивался: дышет ли Дина? И после, как услышу ее тихое дыхание, опять ложусь на кровать.

С работы тетя уйти не могла: она знала, как трудно найти работу и жить, в поисках ее, с больным ребенком. И она даже предупредила меня: если Дина умрет, на фабрику ко мне не приходи, со мной может сделаться плохо и я не хочу этого в присутствии людей.

В одну осеннюю ночь мне не спалось. Свет уличного фонаря лился в нашу комнату и освещал тетю, которая крепко спала, прижав к себе Дину. Дина заворочалась и тетя проснулась.

- Спи, доченька, - проговорила она усталым сонным полушопотом. Дина успокоилась и стала сосать палец левой руки, а правой погладила тетю по щеке. Тетя от этой ласки вздрогнула и... я услышал подавленное рыдание, сквозь которое доносились обрывки фраз: "Ты прощаешься со мной, моя крошка? Я знаю... ты умрешь. Но что же делать? Что делать?..."

Ее вопрос заключал в себе беспомощность перед нуждой, болезнью. Да, инстинкт матери не ошибся: в эту ночь Дина умерла...

Поэзия 1847 года.

Думы мои горькие,
Горькие единые,
Не покиньте вы меня
В час беды, родимые.

От днепровских вод и круч
Взвейтесь сизокрылые,
Пролетите между туч
В степи, ко мне милые.

Погулять с киргизом нищим,
Голым и забитым
Лишь молится богу может
Всеми он забытый.

Прилетайте ж голубятки,
Тихими речами
Вас, как деток, приласкаю
И заплачу с вами.

П Е С Н Я
/Из Леси Украинки/

Что же лучше меж цветами,
Чем весны цветочки.
В жизни лучше меж годами
Юные годочки.

Дважды в год цветы и травы
Нет, не расцветают.
В жизни годы, годы счастья
Дважды не бывают.

Ой, не сохните цветочки,
Смейтесь до лета.

С теплым летом придет доля,
Как заря с рассветом.

Что ж цветы еще не вянут,
Травка зеленая.

Не печалься дивчинонька
Ты же молодая.

Л О Р Е Л Е Я

/Перевод с немецкого из Гейне/

Спускается вечер туманный
С печалью и множеством дум;
И мне вспоминается сказка,
Запавшая в детстве в мой ум.

Воздух свеж и прозрачен. Темнеет.
Вьется Рейн, исчезая вдали.
Скал прибрежных вершины алеют,
Освещенные светом зари.

На высокой вершине, сияя,
Как волшебница дева сидит.
Золотых ожерелий блистанье
Переходит на бледность ланит.

Она с песней волшебной и страстной
Чешет пряди волнистых волос,
С песнью полной любви и мечтаний
И приятной, как вейняе роз.

И пловцы, ее песню услыша,
Забывают опасность пути.
Сердце страстью охвачено нежной -
От нее не уплыть, не уйти...

Убегают, шушукаясь волны,
Дымкой горы оделись вдали.
На скале Лорелея, сияя,
Чешет волосы гребнем свои.

Где-ж пловец? Что случилось с несчастным?
Белокрылой не видно ладьи...
Погубила его Лорелея,
Взяв в подводное царство реки.

МОРОЗ И СОЛНЦЕ

/сказка/

Как то раз солнце легло отдыхать, укрылось тулупом черных туч и уснуло. Спит солнце, не светит больше, устало. И люди приунылись от пасмурного дня, унылые ходят.

Ноябрь идет наисход. "Скоро зима" - думает каждый человек, каждое животное, каждый зверь.

Деревья голые стоят. Земля укрыта разноцветным ковром осенних листьев. Ходит Мороз по этим листьям и думает, как бы ему скорей за работу взяться, как бы зиму затеять. Ходил Мороз по лесу и мечтал. Вдруг он увидел черный тулуп, который закрывал все небо и догадался Мороз, что солнышко, светившее все лето без устали, наконец обессилено и легло отдохнуть. Мороз решил действовать, начал он морозить реку и землю.

Люди, почувяв холод, оделись в теплые пальто, в меховые туфли и валенки. Морозу это понравилось. Немного улыбнулся Мороз, раздвинул усы и снова принялся за дело. Как дунул Мороз на реку, как навалил на нее холоду, так она сразу начала прятаться. Укуталась речка сначала под тонкое одеяло, а потом под самое толстое.

Мороз рад был своей работе и начал действовать быстрее прежнего. До утра навалил снегу столько, сколько еще никогда не бывало. Теперь, наконец, он был совсем доволен своей работой и смеялся во весь рот. От его смеха под-

нялся такой буран, такой ветер, какого еще никогда не бывало. Этот ветер сносил крыши, гнул деревья и снес черный тулуп, под которым спало солнышко. Увидев солнце, Мороз еще больше стал смеяться и больше стало холоду.

Почуя холод, солнышко проснулось. Потерло солнце заспанные глаза и посмотрело вокруг. И что же оно увидало? Стоит мороз против солнца и, смеясь во весь рот, говорит:

- Ну, как ваши дела сосед? Хорош ли снег, приятен ли морозец?

А солнце, догадавшись, что мороз крепко-накрепко обманул его, говорит:

- Снежок хорош, приятен и морозец. Да только зря сосед смеешься надо мной. Как будто-б я есть царь погоды.

Мороз и говорит смеясь:

- А если бы ты не спало солнце, я не решился бы пройти под твоими лучами, так как я мог бы пострадать от них. А когда я увидел, что мой сосед лег отдохнуть, так я и решил скорее обмануть. И вышло то, что никогда ты солнце не ожидало. Рассердившись на Мороза, солнце к месяцу бежит за советом, как прогнать Мороза.

Целый день солнце бежало по небу. Устало солнышко, село где-то за горами и заплакало горькими слезами.

Долго плакало солнце, жалуясь про себя на Мороза и сказало вслух:

- Ладно, негодный злой Мороз, скоро ты отвернешь от своей работы свой долгий красный нос.

И улыбнулось солнце. А месяц круглый бледно-желтый восходил в это время на небо. Увидев месяц, солнце кинулось к нему, говорит дрожащим голосом:

- Скажи мне добрый мой сосед, как выгнать мне Мороза злого? Он холод нам вернул опять, да еще смеется над нами.

Услышав это, месяц и говорит:

- Ох, солнце, солнце мой сосед, Мороза выгнать нам нельзя, пусть будет лучше уж зима.

Услышав беспомощные слова месяца, солнце ни сказало ничего ему, а повернулось и ушло за горы.

Село солнце за горами и пригорюнилось. Думало оно думало про зиму, да про злого Мороза и наконец решило: "Пусть будет зима. Я за это время отдохну и наберу новых сил и весну начну как можно раньше. Пусть смеется надо мной Мороз, пусть хохочет, от этого ему не будет пользы, а все равно я дольше и лучше его украшаю природу. Подумаешь навалит снегу, заморозит реку, прогонит всех птиц в теплые края и ходит среди всего этого, да еще смеется. Ладно, пусть смеется."

Начнется весна, выйду я на голубое небо, как самый новый блестящий самовар на стол, покрытый голубой скатертью. Выйду, прогоню все его украшения и возьмусь за свое дело, за дело, которое всем любо. Прогоню лед с речки - это раз, покрою землю ковром пестреющих трав и цветов - это два, одену леса в зеленый плащ листьев - три. Да разве я три дела сделаю? Нет. Я сделаю триста дел." Успокоившись этими мыслями, солнышко запело песенку про злого мороза и зиму:

1. "Уж мороз, мороз ты злой,
Что ты делаешь с рекой?
Уж ты зимушка зима,
Не сморозишь ты меня."

2. Ух ты ветер, ветер злой
Что кружишься надо мной?
Ух ты зимушка, зима,
Не сморозишь ты меня.

3. Ух ты беленький снежок
Завалил ты наш лужок.
Ух ты зимушка, зима,
Заморозь-ка ты меня!

4. Ух ты холод, злой ты холод,
Ты приносишь зверям голод.
Ух ты зимушка, зима,
Не сморозишь ты меня.

5. Вот какой мороз ты стал,
Всех морозить ты начал.
Ух ты зимушка, зима,
Не сморозишь ты меня!

КОТЯТА

Плачут туфли, плачут книги,
Стулья ветхие трещат,
Целый дом в полоне держит
Пара маленьких котят.

На постели эти звери
Вмиг устроили игру
В жмурки, прятки, догоняшки
И французскую борьбу.

Сбили на пол одеяло,
Сбили следом простыню,
На подушках распластались -
Их никак не прогоню.

По окну на шкаф забрались
Покатались комом вниз,
Где-то в пудре извалялись
И с собакой подрались.

Рано утром эта пара
Натворила кучу бед,
Чуть не сделала пожара,
С"ела мясо для котлет.

М У Р Л У Ш А

У моей Мурлушки на макушке уши,
Лапочка-царапка, очень мягкий мех,
Много знаю кошек скверных и хороших,
Но моя Мурлуша - кошка лучше всех.

Кошки люд рабочий, до мышей охочий,
Стерегут запасы ночи напролет,
Тише крысы, тише... Разбегайтесь мыши...
Нынче наша Мура в караул идет.

Спрячется у норки, наблюдает зорко,
Эй, ты враг подпольный, выходи вперед,
Сторож храбрый, ловкий лучше мышеловки,
Самый сильной крысе голову свернет.

Мельникова, Екатерина.
14 лет, уч. 7 кл. "А" ср. ж. д.
шк. № 44 г. Петропавловск,
Омской жел. дор.

П Т И Ч К А

Какая прекрасная птичка
Сидела у нас под окном
На веточке тонкой малины
И пела о чем-то своем.

И рада была эта птичка
И солнцу, и дню, и цветам,
И крылышки синим блистали,
И клювик был острым клинком.

Прекрасна была эта птичка
И звали ту птичку - синичка,
Сидела на ветке малины,
Держала во рту червяка.

И думала птичка о детях
Пушистых своих пиченятах,
Которые тоже резвятся,
Но скоро уж есть захотят.

А я же, сидя у окошка,
Все время за птичкой следила
И вдруг... подкрадается кошка,
Но птичка во время слетела.

А я же, сидя у окошка,
Все время за птичкой следила
Пока эта птичка - синичка
Из вида совсем улетела.

Мельникова Екатерина
14 лет, ср. ж.д. шк. № 44.
7 кл. "А". г.Петропавловск
Омской жел. дор.

В ЗООПАРКЕ

Веру я билет и вхожу в зоопарк.

Здесь столько зверей

Не сочту я

Никак.

Лев здесь и львица,

Соболь, куница,

Потапка и Мишка -

Зовут медвежат.

Как все интересно

И здесь, и там:

Возьмем для примера -

Обезьян.

Чудные животные,

Похожи на людей,

Только ручки, как ножки,

И хвостик у ней.

Резвится, играет,

Очки надевает,

В зеркало смотрит,

Подружку качает.

Забав ей хватает.

Возьмем Пеликана -

Мычит как теленок,

Тоже забавно!

Рыбу хватает

Из котелочка.

Также есть Пеликанша

И малая дочка.

И наконец я к слону подхожу,

Все, что я видела,

Вам расскажу.

Слон был черный

Громадный такой:

Маленький хвостик

И хобот большой.

Ножки бревешки

Глаза, как картошки,

Два беленьких клыка

И уши блином.

Хобот поднимает,

Конфет получает,

Или морковку

Или пятак.

Про попугая

Скажу вам немножко:

Он будто раскрашен

И звать его Прошка.

Сидит и дремлет,
Семечки щелкает,
Имя свое скажет,
Воду попивает.

Сказала бы больше
Но позабыла...
Все рассказала,
Что в памяти было.

---oO---

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ В ПРОЗЕ

САМОЛЕТ

Я достал
Себе досок,
Сколотил
Самолет.
Мне хотелось
Сделать его
Так,
Что можно
На нем
Летать.
Но у меня
Самолет
Не вышел,
Он не взлетел
Даже под крышу.
Тут я затосковал,
С досады чуть
Самолет
Не сломал.
Мне хотелось
На небо
Взлететь,
И оттуда
Сюда посмотреть.

Вдруг ко мне
Птичка подлетела,
И весело запела:
Что ты мальчик
Сидишь понурый?
Сдвинул брови,
Сердитый,
Хмурый?
Я ответил:
Мне хотелось
На небо взлететь
И оттуда
Сюда посмотреть.
Но я не мог,
Кто бы мне
Помог?
На это не
Беспокойся,
Над этим вопросом,
Успокойся.
Я созову
Еще
Подружек
Штук

Семь,
И мы тебя
На небо
Понесем.
Ну-ка
Показывай
Свой
Самолет,
Ну-ка
Живее,
Будущий
Пилот!-
Сказала
Птичка.
Я вытащил
Самолет

Надо покрасить
Крылья самолету.
Ну, давай созывай,
Самолет и я
Готовы
К полету.
Вот птичка
Созвала своих
Сестричек.
И в одно мгновение,
Взлетел
Самолет
Всем
На
Удивленье.

З И М А

Ветер дует с гор высоких,
Белый снег лежит.
От морозов от жестоких
Под ногой скрипит.

Мне глаза он больно режет
Яркой белизной.
И лежит он чистый, свежий
Белой пеленой.

На земле, на крышах, ветках
И на проводах
Злым морозом, резким, крепким,
Сжатый как в тисках.

В грудь мою врываюсь смело,
Воздух так и прет!
Только вот слеза "заела"
Что из глаз течет.

Я стараюсь так и этак
Осушить ее,
А она живую лентой
Вниз катит и все!

Да и кончик носа тоже
Покраснел, как рак!
Мне велели быть построже
С холодом. Я-ж так:

Пусть себе слеза катится!
Пусть краснеет нос!
Пусть мороз сильнее злится,
Он на то мороз.

Разве то зима бывает
Когда снега нет!
Когда солнце пригревает,
А мороза нет?!

Я люблю такую зиму:
Лед и снег! Мороз!
Ну и ветер, только в спину,
Чтобы быть без слез!

Вот люблю ее такую,
Чтобы в летний час.
Зиму я как мать родную
Вспоминал смеясь!

О Х О Т Н И К И

Я проснулся очень рано. На чердаке было сумрачно. В отверстие, через которое лазали на чердак, пробивался серый утренний свет. Рассветало медленно. Спать больше я не хотел, решил наблюдать за рассветом.

Я встал с постели, взял одеяло и, укутавшись в него, я сел на бревно перед отверстием чердака или вернее сказать перед дверцей. Передо мной расстилался серый, как дым туман. Он загоразживал речку и березовую рощу, только я и увидел, да еще сосновый бор, растущий на более возвышенном месте. Мне стало скучно, в голове менялась мысль, глаза слипались и я скоро забылся сном, но не надолго.

- Вася! - вдруг крикнул снизу звонкий мальчищеский голос, - спишь что-ли?

Я вздрогнул и открыл глаза. Но что такое? Почему я здесь сплю? - Я забыл, что проснулся от чего-то, я думал как я здесь очутился. Но вспомнив, что я давно проснулся и перешел сюда наблюдать за рассветом, я улыбнулся.

- Вася! - спишь что-ли? - опять крикнул мальчик, - слезай сюда, дело есть!

- Лезь сам! - крикнул я.

Скоро на чердак забрался Витя. Он был одет по летнему: в черненьких штанишках, в синей ситцевой рубашке, на ногах желтые хромовые сандалии, без фуражки. Полные его щеки были розовые, голубые глаза сверкали как две синих бусинки в стакане с водой. Белые волосы были растрепаны, видно, как встал, еще не чесался.

- Спишь что-ли? - спросил Витя.

- Что ты наладил свое "спишь что-ли?" - обиделся я. -

Вперед тебя встал.

- А чего же молчишь? Кричу тебе в десятый раз.

- Что врешь? Всего только два раза крикнул.

- Хороших два, - возразил Витя, - и горло охрипло.

- Ну ладно, не будем спорить. Говори зачем пришел?

- На охоту звать. Пойдешь?

- Вдвоем?

- Нет. Юра идет.

- А где он, Юра?

- Собирается, сюда наверно придет. Пойдешь?

- Ладно, пойдёмте.

Я стал собираться. Сложил постель, накрыл ее одеялом. Оделся в холодное белье, висевшее на веревке, которая тянулась от одного конца чердака до другого.

Мы слезли во двор. Около крыльца с ружьем за плечем и с небольшим патронташем за поясом, в котором находились все наши патроны, стоял Юра.

- А, здорово, друг! - сказал я, подходя к крыльцу.

- Здравствуй! - ответил Юра. - Идешь?

- Иду!

- Ну, собирайся, да побыстрее. Мы с Витей подождем здесь.

- Ждите, я быстро, - заходя в избу, сказал я.

Витя с Юрой уселись на крыльцо. Оно было построено из широких, видимо из дубовых досок. На досках виднелись белые, как стружки, следы косыря, видно недавно мыли его.

Витя с Юрой молчали. И каждый из них чего-то мечтал. Глаза Юрия то сверкали глубокой радостью, то потухали и становились грустными. А у Вити иногда появлялась улыбка, которую он быстро прятал. И по всему этому видно было, что они мечтали об охоте.

Но скоро их мечта прервалась. Вошел Вася с ружьем и они, встав, направились со двора.

Д О Р О Г А

Зеленая трава была покрыта густым блеском серебряной росы, которая смачивала нам обувь и через носки проходила к ногам. Туман постепенно рассеивался, пропадал. На небе вот-вот появится солнышко. Воздух свежий, приятный.

Мы шли быстро. С нами было два ружья и восемь патронов. Витя был без всего, он был разведчиком. Ему предстояла более трудная работа, чем нам с Юрой. Он лазил на деревья, а когда приходилось что-нибудь подстрелить, так его задача была носить зверя. Деревню быстро прошли. Мы вышли на речной берег и направились вдоль по реке в сосновый бор. Речка рябилась синими волнами, лениво огибая извилины берега. Здесь было прохладно, от воды шла утренняя свежесть. Мы прибавили шаг. Через час мы в сосновом бору. Здесь совсем холодно. Зашли в бор. Тихо. Природа, птицы и насекомые только еще просыпаются. Они ожидают теплых лучей утреннего солнца. Вершины сосен тихо качались в голубом небе. Стволы краснели, смола застывшей струей нависла с них. Чем дальше мы шли, тем гуще становился бор. Появлялась кудрявая бе-

реза, но редко. Мы шли молча, только иногда перекидывались коротенькими фразами.

Вдруг прямо под нашими ногами из травы выбежало что-то. Мы остановились и стали смотреть, но ничего не было видно. Мы зашли далеко в самую глубину леса. Солнце взошло на голубое небо. В лесу стало веселее. Зачирикали птицы, запели насекомые, запорхали яркокрылые бабочки, то садясь на яркие лепестки цветов, то снова улетаая на другой цветок. Цветы тоже ободрились, подняли свои нежные головки с яркими лепестками. Ожило все. И звери видимо встали, только нас что-то неслышно.

- Витя, - сказал я товарищу, шедшему впереди, - Витя, лезь на сосну, смотри кругом, может где поляна есть хорошая или овраг, остановимся там.

- Есть, на сосну лезть! - отвечал Витя. И, подбегая к высокой сосне, у которой вершина еще была видна, он стал карабкаться по гладкому стволу дерева.

Мы с Юрой стояли и смотрели на великую сосну, по которой взбирался вверх Юра. Не прошло и десяти минут как Витя достиг самой верхней ветки и, цепляясь за нее, поднялся на ноги и стал на сухой сук. Осмотревшись кругом, он вдруг остановил взгляд на восточной стороне и, взглянув на нас, улыбнулся, но ничего не сказал. Витя слезал с дерева и улыбался. Слез он гораздо быстрее, чем влез, так как по гладкому стволу теперь он не лез, а ехал, скатывался. Подойдя к нам, он сказал:

- Вот это да! Косолапый с детьми.

- Где? - улыбнувшись, спросили мы с Юрой.

- Там вон, - он указал на восток, - на большой лесной поляне.

- А как же мы пойдём? - спросил я товарищей.

- А если косолапый услышит треск сучьев, он пустится на утек.

- Вот как! - сказал Юра, - мы пойдём осторожно, не задевая сучье^{ль}...

- А если нечаянно заденешь? - перебил Витя.

- Ну так что-ж, ты ведь говоришь на солнышке косолапый с детенышем играет?

- Да.

- Ну и вот, а заигравшись, на треск он не обратит внимания. Подойдем мы поблизкую, трахнем из двух винтовок сразу, так наш косолапый и оглянуться не успеет.

- Хорошо, - сказал я, - пойдёмте.

Осторожно передвигая ноги, мы направились в восточную сторону.

ЖИВОГО И МЕРТВОГО

Вот мы подошли к поляне и притаились за кустом. На зеленой, как ковер, поляне играл здоровенный коричневый медведь с маленьким почти рыжим медвеженком. Отец когда-то говорил мне, что зверей стреляют в глаз, чтобы не испортить шкуру. Вот, думаю, трахнуть его в глаз!

- Ну, - спросил я шепотом Юру, - стрелять будем?

- Будем, - сказал он тоже шепотом, - только бы медвеженка живым надо взять.

- А как его возьмешь живьем? - спросил Витя.

- Как? как? - подразнил я его, - большого трахнем, а за этим ты побежишь.

- Ладно, побегу.

Мы подняли винтовки, прицелились...

- Куда нацелился? - спросил я Юру.

- В шею. А ты куда?

- В глаз, - ответил я шопотом.

- Раз... два... и три! - крикнул Витя.

Раздались два оглушительных выстрела, эхо которых громко отозвалось в небе. Витя выбежал на поляну.

- Есть! - крикнул он, - идите добавьте.

- Есть итти добавить! - радостным криком отозвались мы.

Зарядив ружья, мы вышли на поляну. Медведь катался на поляне, оставляя на траве кровавые пятна. Испуганный выстрелом медвежонок прижался к траве. Я подошел вплотную к косолапому и выстрелил. Меткая пуля достала его сердце и он сразу перестал шевелиться.

Витя, сняв с брук ремень, привязал его на шею медвежонку. Мы с Юрой подбежали к нему и, улыбнувшись, все трое захохотали от радости.

Теперь же мы должны бежать домой, конечно не все, а один из нас и сообщить папе, пусть пошлют сюда мужчин и возьмут нашего, - и я указал на убитого Мишку.

- Кто пойдет? - спросил Юра.

- Я! - крикнул Витя, - только дайте винтовку и патронов, в случае чего стрелять буду.

- На, бери мое ружье, - сказал Юра, протягивая ружье.

Витя взял ружье, одел его за плечо и сказал:

- Боец соснового бора Виктор Николаевич Бадаев отправляется в начальнику штаба с докладом о том, что не-

приятельское войска половина разбито, - он указал на убитого мишку, -и половина взято в плен, - он указал на медвежонка, - просим дать подкрепление!- И, повернувшись через левое плечо кругом, он сказал:

- Пошел!

- Иди, - крикнули мы ему вслед, - счастливого пути тебе.

- Есть итти, по счастливому пути, - крикнул Витя из-за красностволых сосен. Его не стало видно совсем, только слышался его веселый голос, который мотивно тянул песню.

Знает Сталин отец
Знает родина мать,
Что советский боец
Не привык отступать.

БОЕЦ "СОСНОВОГО БОРА"

Всю дорогу Витя шел с веселыми победными песнями, представляя себе, что он боец Красной Армии идет с войны с песней, в которой поется о победе Красной Армии.

По берегу реки он шел еще быстрее, он торопился донести из "части соснового бора" про победу.

Мальчики во время охоты представляют себе бои с каким то врагом, которого надо обязательно уничтожить...

Так и Витя, он представлял себе, что враг разбит и что половина войска взято в плен, и что он, Витя, красноармеец идет с боя.

Когда Витя подходил к мельнице, он увидел машину, на которую рабочие грузили мешки с мукой, машина эта была дяди Петра, Васькиного отца.

- Петр Васильевич Снегов, я боец "соснового бора" прибыл по приказанию начальника нашей части Василия Петровича Снегова, доложить Вам о нашей победе и о том, чтобы вы послали нам подкрепление.

- Все? - улыбнувшись, спросил дядя Петр.

- Все! - крикнул звонким от радости голосом Витя, - жду подкрепления.

Дядя Петр знал, что мальчишки, охотившись, соблюдают военную дисциплину, поэтому он понял все, что сказал ему Витя.

Дядя Петр подошел к грузчикам и сказал:

- Ну, ребята, говори, кто за добычей, мальчишки медведя убили, идемте за косолапым...

Рабочие, кончившие уже работу, окружили Петра.

- Где? Как? Когда? - спрашивали они дядю Петра, - какие мальчишки? Не твой ли Васька ухлопал его?

- Да, он с товарищем с Юркой Стремгловым, да с помощником Виктором Бадаевым.

- Далеко прихлопнули? - спросил колхозник украинец.

- В сосновом бору, порядочного расстояния отсюда. -

Ответил дядя Петр.

Рабочие смеялись, не веря ребятам.

- Ну, кто же пойдет за Топтыгиным? - снова спросил дядя Петр.

Охотников нашлось много. Согласились идти с Витей Степан Пархоменко - грузчик, Семен Иванов - тракторист, Иван Прохоров и дядя Петр. Взяв с собой носилки и веревку, всей гурьбой они направились в сосновый бор.

В ЛЕСУ

На той зеленой поляне, где еще утром играли медведь и медвежонок, возилась куча людей. Мужчины связывали на носилках большого убитого медведя, а мальчики возились около коричневого медвежонка, который, как валенок, лежал на обогретой солнцем траве.

Восемь сильных рук подняли носилки с тяжелой ношей и направились по лесу в деревню. Ребятишки по очереди несли косолапого медвеженка, который дружески смотрел на своих похитителей. Лес был в оживлении, птицы не умолкая чирикали свои птичьи песни, насекомые тоже жужжали песни, только яркокрасные цветочки, которые украшали траву, стояли молча, нежно моргая лепестками. Медведь, участвовавший в разгаре дневного веселья, больше не двигался, он навалился всеми силами на доски носилок и всей тяжестью давил на носильщиков. Носильщики шли быстро, пот градом катился со лба. Мальчики шли, радуясь своей добычей, они обещались похвалиться перед остальными товарищами.

Лес кончился, вышли на берег реки, теперь голубая река серебрилась под лучами солнца. Белые от солнечных лучей птицы летали над водой. Времени было больше полудня, день был в самом разгаре. Толпа скоро подошла к мельнице, где их окружила волна людей, взрослых и детишек.

МИШКА - ШАЛУНИШКА

Придя домой, мы забыли про медведя, а занялись медвежонком.

Я спорил, чтобы медвежонок остался у меня, так как на чердаке у меня было много места для медвежонка, которого

я мог уместить там. Витя говорил про свои места для медвежонка, а Юра про свои. Но у нас ничего не выходило, никто не соглашался уступать звереныша. Наконец, подумав с добрых полчаса, я сказал:

- Уместим его у нас во дворе, в хлевушке, в которой поросята жили, и вместе трое будем ухаживать за ним, а когда вырастет - будет хороший, ученый, всё будет понимать, будем тогда с ним возиться да по лесу шататься, заманит нам медведя, а мы его трахнем, как сегодняшнего Топтыгина, а своего домой уведем. Согласны?

- Ладно, так уж и быть, - сказали ребята, - пусть у тебя будет жить, только имей в виду, что он будет общий.

- Ну как-же, - сказал я радостным тоном, - конечно общий, кто хочет с собой возьмет его на прогулку, кто не хочет, тот как хочет.

- Так уж и быть, будет по твоему, - сказал Юра, - будет жить у тебя. А с Топтыгиным пусть сами папаши справятся, это не наше дело, только вот шкуру пусть за патроны сдадут, а с патронами мы еще кое-кого саданем.

- Это, вот да, что правда, то правда, - сказал Витя, - шкура пойдет за патроны.

- А теперь, - сказал я, - пойдёмте уместим его в хлевушке и дадим покушать.

Мы пошли к хлевушке, зашли в нее и рассмотрели все щели, все кирпичи и окончательно убедились, что и зимой здесь свободно можно прожить медвежонку. Мы постелили белую солому в хлевушке и положили на нее медве-

жонка. Он был смиренный, лежал и веселыми глазками смотрел на нас. Я поднес ему блюдце с молоком и поставил его перед самым носом. Понюхав молоко, он коснулся его мордочкой и, облизав подбородок, красненьким язычком стал лакать молоко. Мы любовались им и не знали как его назвать. Юра предложил назвать его Мишкой-шалунишкой. Мы согласились. Теперь всяк, кто не подходил к хлевушке, окликал нашего звереныша, называя его Мишкой-шалунишкой.

МЕДВЕЖОНОК СМЕЛЬЧАК

Воспитываемый нами Мишка-Шалунишка, рос с каждым днем и часом. Он стал еще круглее. Мордочка его чуть виднелась с середины толстенных медвежьих щечек.

Однажды мы пустили Мишку-шалунишку во двор и долго любовались им. Он бегал за курами, за собаками и мы были удивлены его смелостью. Забыв про него, мы разошлись по домам и я зашел в комнату. Сажу я в комнате, книжку читаю, слышу вдруг крик со двора:

- Окоянный, всех цыплят разогнал!

- Цып, цып, цып!

Я узнал голос тети Софьи и, догадавшись, что она ругает моего воспитанника, я вышел во двор, поймал разыгравшегося медвежонка и затащил в хлевушку. Сам я снова зашел в комнату и взялся за чтение. Долго я читал книгу, не отрываясь ни на минуту от чтения. Интересная книга, про охотников пишут. Было уже пять часов вечера, когда я дочитал свою книгу. Вспомнив, что Мишка-шалунишка еще не обедал, я взял кастрюлю со старым вчерашним супом и

понес его к воспитаннику. Но подойдя к хлевушке, я увидел, что его и след простыл. Сначала я подумал, что его утащили соседние мальчишки, а потом решил, что он сам сбежал. Оставив кострюлю около хлевушки, я побежал к Вите. Дома его не было. Я еще больше стал беспокоиться и побежал к Юрию. Подбежав к воротам, я услышал громкий смех Юрия и Вити. Приоткрыв калитку, я увидел Юрия и Витю, которые бегали во дворе, а за ними, словно мяч катался, бегал Мишка-шалунишка. Забежав во двор, я крикнул:

- Откуда он здесь появился?

- Оттуда, - крикнул Юра, улыбаясь.

- Ох же и воспитанник, - остановившись, сказал я, - в гости без разрешения уходит.

- А что еще надо, - сказал Витя, - ходи по гостям, да играй, а если угощают, не отрицай! Да ведь? Правильно, Мишка? - Мы засмеялись. Поймав медвежонка бегущего во дворе, я позвал ребят на полянку. Они согласились и мы с Мишкой-шалунишкой направились за город. На поляне цвели цветы, большей частью лютики. Мы нарвали цветов и сплели Мишке венок. Одев его на голову медвежонка, мы начали любоваться своим искусством украшения. Мишка, потрянул головой, достал лапой желтенький веночек и стащил его с головы. Через пять минут от венка остались только головки цветов, да длинные их стебельки.

Целых три часа играли мы на поляне, и узнали, что наш Мишка не даром назван "шалунишкой", и что мы ошиблись, считая его смиренным.

К вечеру мы наперегонки с медвежонком бежали домой. А иногда собравшись где нибудь с ребятами, мы сочиняли про него стихи.

ЗАДУМАЛИ РЫБАЧИТЬ

Раннее утро. Серый туман закрывал все и лес, и речку, и село. Мишка теперь уже не "малышка", а целый Топтыгин, храпел на сеновале. Сеновалом мы называем Мишкин сарай, куда мой папа привез сено для постели Мишке. Я собирался на рыбалку. Юра с Витей обещались ждать у себя и велели зайти за ними. Взяв удочки и банку с червями, я направился к Юре. Он жил рядом с нами, а Витя чуть подальше от Юры. Придя к Юре я увидел его во дворе, он распутывал запутавшуюся нить удочки.

- Здравствуй, друг!

- Здравствуй, Вася, - ответил мне дружески товарищ, - как дела Топтыгина?

- Дела его, как сажа бела, - ответил я ему, - живот у него разболелся.

- С чего это он у него?

- Да оттого, что мед у лесника Прохора весь слопал, а желудку много сладкого вредно.

- Ого-го-го! - загоготал Юра, - весь мед, да как же это Прохор маху дал?

- Так вот и дал, ушел куда-то, а дома никого не было. Танюшка в поле была, а Варвара, эта вечно бродит, ее и дома никогда не захватишь. А Топтыгин, он брат знал куда морду совал.

- Да, ловко сделано. Он брат, чего вздумает, то и делает, его уже с детства было видно. Помнишь, как у Софьи цыплят он передушил?

- Как же, помню.

Калитка скрипнула, отворилась и вошел Витя.

- Здравствуйте, друзья! - крикнул он и, отдавая честь, начал:

- Рыбак Виктор Николаевич Вадаев прибыл за вами...

- Ну, ну, - перебил я его, - хватит отчитываться, надо к делу приступать, скоро уж рассветет, а нам вон какую махину надо пройти, да еще вон Юркина удочка сопротивляется.

- Я ее уже направил, - сказал Юра, - можно идти, только я сейчас возьму ведро и мы направимся.

- А по моему не мешало бы взять и ружье, - сказал я, - в случае чего, мы сможем сопротивляться.

- Это да, ружье тоже нужно, - сказал Витя, - несмотря, что на рыбалку идем.

- Ладно, сказал Юра, - и ружье возьму.

Юра вынес ружье, ведро и, взяв с крыльца удочки, мы все вместе направились на рыбалку.

Д О Р О Г А

В конце деревни мы очутились скоро. Воздух был свеж, холоден. На траве лежала белая роса. Витя всю дорогу чудил, рассказывал сказки. Скоро мы дошли до берега реки, который был покрыт сосновыми дровами для постройки детского сада.

- Остановимся? - спросил Витя.

- А чего еще, конечно остановимся, - ответил Юра. - Здесь место удобное. Остановимся.

Мы выбрали себе места, уселись, закинули удочки и стали ждать. Рыба не шла, Юра стал скучать, но вскочив

вдруг на ноги, он взял ружье и сказал:

- Вы рыбачьте, а я пойду с полчаса погуляю за зверями.

- Иди, иди, - подхватили мы, - может и правда кого-нибудь ухлопаешь.

- А что вы думаете и ухлопаю, - сказал Юра, взбежав на горку, на которой начинался бор. Взбежав на самый верх горки, он крикнул, оторопев:

- Ребята, сюда!

Мы с Витей вскочили и, не зная в чем дело, побежали вверх. Добравшись до Юры, увидали, что он бледный как полотно.

- Что с тобой? - спросил я Юру.

- Вот здесь, перед самым моим носом, был медведь...

- А где он? Куда делся? - спросил Витя.

- Вон, - Юра указал в левую сторону, - туда поплелся, да так быстро, прямо побежал. Побежали, - крикнул я, - от нас он не уйдет. А вот почему ты, Юра, оробел так, неужели косолапых боишься, а еще ружье на руках.

- Нет, я не оробел. Растерялся от радости.

Мы шли шагом, осторожно передвигая ноги.

- Ребята, - вдруг крикнул Юра, - вон он косолапый!

Он указал на темно-коричневую горку, лежащую на траве.

Мы остановились, осмотрелись и решили подойти к нему ближе и трахнуть. Отсюда нам плохо было видно косолапого, он лежал задом к нам. Мы тихо подкрадывались к косолапому.

Д О М А

Мишка сегодня совсем поправился, вся боль с него убежала. Он решил прогуляться немножко и, выйдя из сарая задним ходом, через небольшую калитку направился на зады, а там, постояв немного, отправился дальше к лесу.

Мать была слишком занята, она, заинтересовавшись газетой, не отрывалась от чтения. Вообще Мария Ивановна любила много читать, особенно интересовалась военными действиями в Китае. Она только через час назад, приводила фельдшера и он, осмотрев Мишку, сказал:

- Ничего, Михайло, скоро вся боль улетит. А матери сказал, что он уже не болен, но ему надо все-таки лежать. А мать, успокоившись, этим, принялась за чтение.

Мишка шел медленно. Он радовался, кувыркался на траве, бегал и мычал. Попал на свободу-совсем разошелся. А как только увидел лес, он без оглядки побежал в него, как убежавший из плена заяц спешил в свою норку. Долго бродил Мишка по лесу, лег и заснул на травке.

Вот тут и крались к нему ребята, которых он знал как своих воспитателей.

М И Ш К А

Когда мы вплотную подошли к медведю, мы увидали, что он спит. Но стрелять не решались. Мы хотели трахнуть его в глаз, а он лежал к нам задом. Решили подойти к нему с другой стороны. Обойдя его в отдаленности, мы подкрадывались теперь к нему с удобной, как мы считали, стороны. Подошли прямо к косолапому. И вдруг я крикнул:

- Мишка! - и побежал к медведю.

Ребята тоже побежали за мной. Мишка проснулся и, увидев нас, подал нам всем лапу.

Мы начали рассуждать о том, как мы не узнали своего воспитанника, о том, что было бы, если бы Юра трахнул Мишку, и наконец о том, как он попал сюда.

Взяв с собой Мишку, мы направились к реке. Мы взяли свои удочки, три рыбы, которые болтались на них, ведро и направились домой. Так и не удалось нам порыбачить. Видно охотник не есть рыбак и мы думали про себя дорогой: "Охотники мы, охотники".

--ooOoo--